

Иван Ильин

**ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ
МАНИФЕСТ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ**

Содержание

1. На кого нам надеяться	2
2. О русском самостоянии	3
3. Историческое единство России	4
4. Что дало России Православное Христианство	5
5. Творческие уроки русской истории	8
6. Внешние причины русской революции	10
7. Внутренние причины русской революции	14
8. Отжившие предрассудки русской интеллигенции	17
9. Сущность большевизма	19
10. Отрицательные уроки русской революции	21
11. Религиозный смысл русской революции	22
12. Вера в Бога	23
13. О характере и предметности	25
14. Церковь и государство	26
15. Любовь к Родине	28
16. Семья	29
17. Что есть истинный национализм	30
18. О здоровом правосознании	31
19. О политической деятельности	32
20. О власти	34
21. О сопротивлении злу силою	35
22. О верном компромиссе	36
23. О свободе	37
24. О равенстве и справедливости	38
25. О частной собственности	40
26. О национальной территории	41
27. Национальная армия	42
28. О монархии и республике	43
29. Россия спасется творчеством	45
30. Заключение	47

1. На кого нам надеяться

Мы должны надеяться на Бога, на духовные силы национальной России и на самих себя, верных Богу и родине. И только; этого довольно, и больше надеяться нам не на кого.

И прежде всего, и больше всего — мы должны надеяться на *Божью помощь*, молитвенно призывать ее и укреплять свои души в Божиих веяниях и зовах.

Напрасно иные представляют себе дело так, что между Богом и человеком лежит разобщение, что человек предоставлен в земной жизни своим собственным силам, что Господь есть судия и взыскатель, но не помощник и не источник любви и силы. Если бы люди знали, что *Бог есть Дух*, то они поняли бы, что *во всякой человеческой духовности веет живое присутствие Божие*: в совести, в верности и в храбрости, в смирении и в жертвенности, в знании и в науке, в красоте и в искусстве, в дисциплине и в правосознании, в молитве и в богомыслии... И если бы люди знали, что *Бог есть Любовь*, то они поняли бы, что *во всякой искренней любви веет живое дыхание Божие*: в любви ко всякому совершенству, в любви к родителям, к жене, к другу и к детям, в любви к родине и своему народу, к ближним и ко всякому живому существу. Бог доступен нам и близок нам; от нас зависит призывать его, т. е. укреплять свою слабую силу Его великою Силою, свой дух — Его Духом, свою любовь — Его Любвию. Мы должны помнить, что «всякий, делающий правду, рожден от Него» (1 Иоанна 2.29); и еще, — что «если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу, и чего ни попросим, получим от Него» (1 Иоанна 3.21—22). Мы должны быть уверены, что наше дело есть дело самой России, а дело России — правое; правое же дело всегда найдет защиту и помощь у Бога.

Мы должны надеяться, далее, на *духовные силы национальной России*. Тот, кто сомневается в них, пусть изучает русскую историю и пусть увидит, какие природные, пространственные и исторические бремена поднимал русский народ, создавая на протяжении тысячелетия свое единство, строя свое государство, отстаивая свою веру и творя свою культуру¹. Пусть припадет он душою к тем источникам, из которых русский народ черпал свои силы: к его молитве, к его совестным исканиям, к его патриотическому и национальному чувству, к его художественному созерцанию, к его государственной воле, к самобытности его на всех путях жизни. Надо *утвердить свой дух в духе национальной России; надо слить свой инстинкт с русским национальным инстинктом самосохранения*. И тогда нам откроется, что русский народ искони обретал свою силу через *молитву, верность и жертвенное служение*.

И, наконец, мы, русские люди всех племен, всех народностей и всех исповеданий, — должны надеяться *на себя, на самих себя и ни на кого другого*. Будет сделано только то, что мы сделаем сами; чего мы сами не сделаем, того не сделает за нас никто другой... Дело освобождения и возрождения России есть наше общее дело, и оно будет выполнено нашими силами и нашими руками. Поэтому нам необходимо усвоить три правила, ввести их в свою душу, как бы в плоть и кровь, и передать их детям и внукам.

Первое: *на чужие силы надеется лишь безвольный человек, а безвольный человек не победит никогда*. Победа безвольного есть пустая видимость. Для него самая победа есть разновидность поражения, которая вот-вот обнаружит всю его немощь. И если он случайно «победит», то он не сумеет взять свою победу, а если он случайно возьмет ее, то не удержит... Второе правило: *затруднение и неудача ослабляют силу безвольного человека и укрепляют силу волевого*. Волевой человек живет и рассуждает так: «Не удалось, — значит мало сил собрал, значит соберу их вдвое»...; «Непреодолимо — значит боролся не так, как надо, значит найду верный способ, может быть — недооценивал силы врага, переоценивал свои силы, плохо готовился, мало углублялся, неумело организовывал»... Затруднение заставляет волевого человека извлечь из самого

себя еще больше силы, чем он извлекал доселе, но отнюдь не отнимает у него решимости и мужества.

И, наконец, третье правило: *из двух людей — к победе ближе тот, в ком сильнее любовь к делу, кому лично нечего терять и кто ничего не боится*. Такой человек борется не «постольку — поскольку», а — без оговорок; не по принуждению, а добровольно; не по должности, а всей душой, не напоказ, а честно и грозно. Он отдает все, чтобы взять все, т. е., чтобы осуществить всю свою цель и удержать ее.

Трудно представить себе, что могут сделать два волевых человека, которые укоренились в Боге и в патриотической верности, которые безусловно верят друг другу и сговорились друг с другом на жизнь и на смерть... А три таких человека? А десять? А тысячи?...

Что же нам нужно?

Глубокая вера в то, что наше дело — правое перед лицом Божиим и что молитвенное очищение души даст нам нужные силы. Сосредоточенная подготовка своей воли и своего умения. Неошибающийся отбор волевых и безусловно доверяющих друг другу людей. Выдержанный, трезвый расчет в борьбе. И неколеблющееся подчинение единому вождю и единому плану.

Вот на что и на кого нам надо надеяться.

¹ См. мои «Три речи о России». См. также соответствующие статьи в журнале «Русский Колокол», кн. 1—9.

2. О русском самостоянии

При свете того мученического костра, на котором горит Россия, мы должны пересмотреть все основы нашего государственного быта и нашего национального самочувствия. И первое, чему мы должны научиться, — это *русскому национальному самостоянию*.

Мы должны укрепить в себе и в наших детях и внуках — *инстинкт национального самосохранения*. Мы должны научиться слышать его в наших душах и повиноваться его требованиям. Мы должны понять, что все совершившееся с Россией во время великой войны и революции и еще совершающееся на наших глазах, — возникло оттого, что в русском народе временно помрачилось духовное самосознание и временно ослаб инстинкт национального самосохранения, тот самый инстинкт, который увел его от татар из южных степей в северные леса, который вел политику московских князей, собирателей Руси, который вывел Россию из татарщины и смуты, повел ее за Петром Великим и Ломоносовым, восстал на Наполеона и замирил оружием, колонизацией и культурой одну шестую часть земной поверхности. В этом исторически замедленном, но великом подъеме русский народ обнаружил такую силу и гибкость инстинкта самосохранения, такой государственный смысл и такт, такую способность личного самопожертвования, такое всеперемалявающее и всепобеждающее терпение, такую цепкость, верность себе и самобытность, что сомневаться в его грядущем возрождении могут только совершенно неосведомленные и непомерно жадные иностранцы. Русский народ восстанет и возродится. Но для того, чтобы это совершилось, должно быть преодолено то временное *изнеможение его национального инстинкта*, то временное *помрачение его духовного самосознания*, которое привело его к нынешнему состоянию. Гнет коммунистов является, по-видимому, величайшим препятствием для этого; но именно он-то и пробуждает,

и углубляет, и закаляет русское национальное самосознание, в унижениях и муках подготавливая великий подъем религиозной веры и национального чувства.

Народ с колеблющимся инстинктом национального самосохранения и помраченным духовным самосознанием — не может отстаивать свою жизнь на земле; а заменить этот инстинкт и это самосознание нельзя *ничем*. Народ должен чувствовать в поддонных глубинах своей души — *свое единство*, свою неразрывную связь и сопринадлежность, свою *самобытность и духовную драгоценность своего своеобразия* перед лицом Божиим; он должен чутать свое «мы» и его величие; он должен верить в свои *силы*, в свою *правду* и в свою *богоблагословенность*. И это чувство и чутье, эта вера и гордость должны будить в нем в роковые исторические часы ту особую природно-инстинктивную «муравьиность» и «пчелиность», без которых ему нельзя отстаивать свое существование на земле.

Здесь нужна не хвастливость, не гордыня и не «мессианская» мания величия. Здесь нужна крепкая *вера в Бога и воля к жизни*. Здесь необходимо полусознательное, национально-государственное чутье; и чувство собственного достоинства. *Нация есть живая система самоутверждения и самопомощи*. Ей не на что и не на кого надеяться, кроме Бога и своих собственных сил. И после верности Богу — у нее нет другого высшего закона, кроме самоподдержания и расцвета духовно-национальных сил. Народ призван блюсти себя сам. Он призван к духовному и государственному *самостоянию*. Он сам должен уметь заклинять свои злые страсти и будить свои благие силы. Он должен помнить, что всяким изнеможением его инстинкта и всяким помрачением его самосознания — беззастенчиво и безжалостно воспользуются все его непоколебавшиеся и не помрачившиеся соседи. Ибо миром международных отношений движет не благородство, не благодарность и даже не правосознание, а интересы и силы народов.

Только самодеятельностью спасаются народы. Только в самостоянии будет жить Россия. Никто ей не поможет. Она должна помочь себе сама: *молитвенным подъемом и действенной волей*.

3. Историческое единство России

Россия должна прежде всего почувствовать сердцем и волею, а затем восстановить и организовать на деле — *свое духовное единство*.

Духовное единство России доказано той великой, — самобытной и глубокой, — культурой, которая была создана единым русским народом во всем сложном сочетании его национальностей. Эта культура создавалась в течение целого *тысячелетия*, на единой, все расширявшейся территории, в единой и общей *равнинной* природе, в едином сурово-континентальном *климате*, под единой *государственной властью и системой управления*, при едином государственном и культурном *языке*, в единой судьбе международных *войн и социально-классового, хозяйственно-торгового сотрудничества*. Все это выработало у народов России сходство душевного уклада, подобие характеров, близость в обычаях, и, наконец, то *основное единство в восприятии мира, людей и государства*, которым русские народы без различия племени отличаются от западно-европейских народов.

Из этого единого и общего «материала» жизни и быта, *славяно-русское племя*, исповедовавшее христианско-православную веру, создало и выносило *тот самобытный духовно-творческий акт*, которым творилась и создавалась *русская национальная культура*.

Славяно-русское племя исторически вело и государственно строило Россию. Оно никогда не угнетало других, численно меньших племен, но само вынуждено было то свергать их гнет (татарское иго), то обороняться всею силою от их завоевательных вторжений (крымские татары, литовцы, поляки, шведы). Русский народ не жесток и не воинствен; он от природы благодушен, гостеприимен и созерцателен. Но русские равнины были искони со всех сторон незащищены и открыты, и все народы рады были травить их безнаказанно. И потому России пришлось провоевать ровно *две трети* своей жизни. Издревле русский пахарь погибал без меча: а русский воин кормился сохою и косою. Замирение и колонизация шли тысячу лет рука об руку¹.

Славяно-русское племя, прошедшее Россию через все эти испытания, не отгораживалось от замиренных и присоединенных им племен, даже тогда, когда они были совершенно чуждыми ему в расовом отношении, но принимало их постепенно — гражданственно, кровно, культурно и правительственно — в свой состав. Различия не исчезли, но равноправие и душевно-бытовое общение вызывали к жизни духовно-братское единение. Вследствие этого *духовно-творческий акт славяно-русского племени*, не изменяя своей природе, *приобретал все новые горизонты и задания*: чтобы вести Россию, он должен был становиться *все более свободным, гибким, отзывчивым и глубоким*. Его вели: *славянская даровитость и вселенское дыхание русского Православия*. И когда он окреп и развернул свое творчество, то оказалось, что Россия есть не пустое слово и не просто единое государство, — но *система духовного единства, созидаемая единым, русско-национальным духовным актом*.

Этот единый акт есть, по глубине и гибкости своей, национальный акт для всех племен России: все они найдут себе в нем творческий исход и родную стихию. Он собрал все их различные творческие струи и, впитав их, уместил, угнездил их в себе. Этим он их принял, освободил и оформил. И всякий сын России, владеющий русским языком, найдет себе в русской вере, в русской добродетели, в русской песне и музыке, в русской живописи и архитектуре, в русской науке и философии, в русском праве и правосознании — такие пути жизни и такие формы творчества, которых никогда не даст ему ни один чужой народ.

Это *духовно-культурное* единство России завершается ныне, как и встарь, ее *территориально-политическим* единством, ее общему *международно-военною* судьбою и ее *хозяйственно-производительною* и торговою принадлежностью. Россия не выдумана дерзким завоевателем, подобно империи Наполеона; она не есть недавно и наскоро построенная федерация, подобно Штатам Северной Америки. Она есть живой, духовно и исторически сложившийся *организм*, который при всякой попытке раздела и из всякого распада вновь восстановится таинственной, древней силой своего духовного бытия.

¹ См. мои «Три речи о России». См. в «Русском Колоколе» статьи Б. А. Никольского: № 3 «Войны России», № 5 «Русская Колонизация».

4. Что дало России Православное Христианство

Национальная духовная культура творится из поколения в поколение не сознательной мыслью и не произволом, а целостным, длительным и вдохновенным напряжением всего человеческого существа; и прежде всего, инстинктом и *бессознательными, ночными силами души*. Эти таинственные силы души способны

к духовному творчеству только тогда, если они озарены, облагорожены, оформлены и воспитаны *религиозной верою*. История не знает культурно-творческого и духовно-великого народа, пребывавшего в безбожии. Самые последние дикари имеют свою веру. Впадая в безверие, народы разлагались и гибли. Понятно, что от совершенства религии зависит и высота национальной культуры.

Россия была искони страной Православного Христианства. Ее творчески ведущее национально-языковое ядро всегда исповедовало Православную Веру.¹ Вот почему дух Православия всегда определял и ныне определяет столь многое и глубокое в строении русско-национального творческого акта. Этими дарами Православия в течение столетий жили, просвещались и спасались все русские люди, все граждане Российской Империи, — и те, которые о них забывали, и те, которые их не замечали, от них отрекались или даже их поносили; и граждане, принадлежавшие к инославным исповеданиям или инородным племенам; и другие европейские народы за пределами России.

Для исчерпывающего описания этих даров понадобилось бы целое историческое исследование. Я могу указать на них лишь кратким исчислением.

1. Все основное содержание христианского откровения Россия получила от православного востока и в форме Православия, на греческом и славянском языке. «Великий духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В этой священной стихии исчез и обновился мир» (Пушкин). Эту священную стихию — крещения и облечения во Христа Сына Божия — русский народ переживал в Православии. Оно было для нас тем, чем оно было для западных народов до разделения церквей; оно давало им то, что они впоследствии утратили, а мы сохранили; за этим утраченным духом они начинают ныне обращаться к нам, потрясенные мученичеством Православной Церкви в России.

2. Православие положило в основу человеческого существа *жизнь сердца* (чувства, любви) и исходящего из сердца созерцания (видения, воображения). В этом его глубочайшее отличие от католицизма, ведущего веру от *воли* к *рассудку*; — от протестантизма, ведущего веру от *разума* к *воле*. Это отличие, тысячу лет определявшее русскую душу, остается навеки; никакая «уния», никакое «католичество восточного обряда», никакое протестантское миссионерство — не переделает православную душу. Весь русский дух и уклад оправославлены. Вот почему — когда русский народ творит, то он ищет *увидеть и изобразить любимое*. Это основная форма русского национального бытия и творчества. Она возвращена Православием и закреплена славянством и природой России.

3. В нравственной области это дало русскому народу живое и глубокое *чувство совести*, мечту о праведности и святости, верное осознание греха, дар обновляющего покаяния, идею аскетического очищения, острое чувство «правды» и «кривды», добра и зла.

4. Отсюда же столь характерный для русского народа *дух милосердия* и всенародного, бессословного и сверхнационального *братства*, сочувствие к бедному, слабому, больному, угнетенному и даже преступнику². Отсюда наши нищелюбивые монастыри и Государи³; отсюда наши богадельни, больницы и клиники, создававшиеся на частные пожертвования.

5. Православие воспитывало в русском народе тот *дух жертвенности, служения, терпения и верности*, без которого Россия никогда не отстоялась бы от всех своих врагов и не построила бы своего земного жилища. Русские люди в течение всей своей истории учились строить Россию «целованием Креста» и почерпать нравственную силу в молитве. *Дар молитвы есть лучший дар Православия*.

6. Православие утвердило религиозную веру на *свободе* и на *искренности*, связав их воедино; этот дух оно сообщило и русской душе и русской культуре. Православное миссионерство стремилось приводить людей «на крещение» — «любовью», а никак не страхом⁴. Именно отсюда в истории России этот дух религиозной и национальной

терпимости, который инославные и иноверные граждане России оценили по достоинству лишь после революционных гонений на веру.

7. Православие несло русскому народу все дары христианского *правосознания* — волю к миру, братству, справедливости, лояльности и солидарности; чувство достоинства и ранга; способность к самообладанию и взаимному уважению, словом, — все то, что может приблизить государство к заветам Христа⁵.

8. Православие вскормило в России чувство *ответственности* гражданина, чиновника и Царя пред Богом, и прежде всего упрочило идею призванного, помазанного и Богу служащего монарха. Благодаря этому тиранические государи были в истории России сущим исключением. Все гуманные реформы в русской истории были навеяны или подсказаны Православием.

9. Русское Православие верно и мудро разрешило труднейшее задание, с которым почти никогда не справлялась западная Европа, — найти правильное соотношение между *церковью и светскою властью*⁶, взаимное поддержание, при взаимной лояльности и взаимном непосягании.

10. Православная монастырская культура дала России не только *сонм праведников*. Она дала ей ее летописи, т. е. положила начало русской *историографии* и *русскому национальному самосознанию*. Пушкин выражает это так: «Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением»⁷. Нельзя забывать, что Православная вера долго считалась в России истинным критерием «русскости».

11. Православное учение о бессмертии личной души⁸, о повиновении высшим властям за совесть, о христианском терпении и об отдаче жизни «за други своя» — дало *русской армии* все источники ее рыцарственного, лично-бесстрашного, беззаветно послушного и всепреодолевающего духа, развернутого в ее исторических войнах и особенно в учении и в практике А. В. Суворова, и не раз признававшегося неприятельскими полководцами (Фридрихом Великим, Наполеоном и др.).

12. Все русское *искусство* изошло из православной веры, искони впитывая в себя ее дух — дух сердечного созерцания, молитвенного парения, свободной искренности и духовной ответственности⁹. Русская живопись пошла от иконы; русская музыка была овеея церковным песнопением; русская архитектура пошла от храмового и монастырского зодчества; русский театр зародился от драматических «действ» на религиозные темы; русская литература пошла от церкви и монашества.

Все ли здесь исчислено? Все ли упомянуто? Нет. Здесь еще не сказано о православном старчестве, о православном паломничестве, о значении церковно-славянского языка, о православной школе, о православной философии. Но всего здесь и нельзя исчерпать.

Все это и дало Пушкину основание установить как незыблемую истину: «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер»¹⁰.

Таково значение Православного Христианства в русской истории. Вот чем объясняются те лютые, исторически неслыханные гонения на Православие, которые оно претерпевает ныне от коммунистов. Большевики поняли, что корни русского христианства, русского национального духа, русской чести и совести, русского государственного единства, русской семьи и русского правосознания — заложены именно в православной вере, поэтому они пытаются искоренить ее. В борьбе с этими попытками русский народ и православная церковь выдвинули целые сонмы исповедников, мучеников и священномучеников; и в то же время возродили религиозную жизнь эпохи катакомб, — всюду, в лесах, в оврагах, в селах и городах. За двадцать лет русский народ научился сосредоточиваться в молчании, очищать и закалять свою душу перед лицом смерти, молиться шепотом, организовывать церковную жизнь в гонениях и закреплять ее в тайне и тишине. Закладывается фундамент новой России: она будет строиться на священной крови и на молитвенных слезах.

И ныне, после двадцати лет гонений, коммунисты должны были признать (зимой 1937 г.), что одна треть городских жителей и две трети сельского населения продолжают открыто верить в Бога. А сколько из остальных веруют и молятся *втайне*?...

Гонения пробуждают в русском народе новую веру, полную новой силы и нового духа. Страдающие сердца восстанавливают свое исконно-древнее религиозное созерцание. И Россия не только не уйдет от Православия, как надеются ее враги на западе, но укрепитя в священных основах своего исторического бытия.

Последствия революции преодолеют ее причины.

¹ См., напр., статистические данные Д. Менделеева. «К познанию России». Ст. 36—41, 48—49. К началу XX века Россия насчитывала около 66% православного населения, около 17% неправославных христиан и около 17% нехристианских религий (около 5 миллионов евреев и около 14 мил. тюрко-татарских народов).

² См., напр., у Достоевского. «Дневник Писателя за 1873 г.», статья III «Среда» и ст. V «Влас».

³ Срв., напр., у И. Е. Забелина. «История города Москвы», стр. 431—432 и др.

⁴ Из наставления Митрополита Макария первому казанскому архиепископу Гурию в 1555 г. См. «Русский Колокол», кн. 2, стр. 42. Статья И. И. Лаппо. «Исключения только подтверждают основное правило».

⁵ См. ниже главу шестнадцатую.

⁶ См. ниже главу двенадцатую. Имеется в виду допетровская Россия.

⁷ Пушкин. «Исторические Замечания». 1822 г.

⁸ Утраченное в современном протестантизме, толкующем «вечную жизнь» не в смысле бессмертия личной души, которая признается смертной.

⁹ См. у Гоголя «В чем же наконец существо Русской Поэзии». А также «О лиризме наших поэтов».

Срв. мою книгу: «Основы Художества. О совершенном в искусстве».

¹⁰ Пушкин. «Исторические Замечания». 1822 г.

5. Творческие уроки русской истории

Для того, чтобы увидеть будущую Россию и верно пойти ей навстречу, мы должны глубоко вдуматься и вчувствоваться в русское историческое развитие, как бы подслушать законы и *формы русского национального бытия* и сделать соответствующие выводы. Эти выводы будут приблизительно таковы.

1. Для того, чтобы русская жизнь духовно цвела, вера должна быть в России свободна¹, а церковь — не подчинена государственной власти. Только свободная вера искренна; только искренняя вера цельна и сильна; только цельная и сильная вера воспитывает людей и вдохновляет их творчество.

2. Для того, чтобы религиозно воспитать народ, христианская церковь должна преодолеть в себе склонность к сентиментальному непротивленчеству и преклонение перед западным богословием. Православная церковь, строившая Россию, была мироприемлюща и национальна; она не отвергала государства и блюла верные и мудрые пути *восточного православия*.

3. Русский народ справится с историческим бременем и опасностями только тогда, если это бремя будет несомо *всеми*. Все русские люди должны быть вовлечены в судьбу и в борьбу своего отечества. Это участие совсем не должно выражаться непременно в «демократических» «голосованиях», в которых обычно своекорыстные люди противогосударственно отвечают на непонятые вопросы. Это участие должно выражаться во внутреннем отношении к России и в вытекающих из него организованных действиях. Каждый русский человек должен любить свою родину, видеть сердцем и волею ее пути, принимать правосознанием ее законы и ее власть и искать жертвенного служения России

на законных путях. Задача власти — открывать и подсказывать эти пути всем гражданам. В этом основная задача будущего русского государственного устройства.

4. Государство совсем не есть сочетание насилия и коварства, свирепости и обмана. Корень его жизненности *внутри* человека: в его *правосознании*. Поэтому в душах должно воспитываться от малых лет и на протяжении всей жизни здоровое правосознание, приемлющее за совесть правопорядок, законы и власть. Правосознание есть крепчайший цемент государства, источник его силы и расцвета.

5. Россия будет творить свою культуру и цвести только тогда, если в русских людях сложится сильный, духовный и дисциплинированный характер. Бесхарактерная Россия будет подкуплена, обманута, разложена и завоевана другими народами. Русскому человеку необходимы — закон, мера и форма. Его величайшая опасность — разнуздание и всесмещение².

6. Никакое государство не может строиться без жертвенности. К России, с ее опасностями и затруднениями, это относится с особенной силой. Но это распределение жертв между сословиями и классами *должно быть равномерным, посильным и братским*. Абсолютная справедливость неосуществима; но у всех граждан должна быть живая уверенность, что справедливость ищется искренно, все народно и правительственно.

7. Россия многонациональна и многоисповедна. Без взаимного братского признания и уважения, без культурной автономии и терпимости Россия не сможет объединиться и окрепнуть.

8. Русский человек даровит и предприимчив. Его творческая инициатива должна быть не скована, а освобождена и поощрена. Достаточно вспомнить историю русской колонизации; историю русского казачества; историю русской торговли; введение подушной подати Петром Великим, развязавшее на сто лет запашку земли; земельную реформу Столыпина...

9. Россия при ее объеме и составе не будет существовать под слабой государственной властью, чем бы эта слабость ни вызывалась: безволием правителя, противодействием партий или международной зависимостью. Русская государственная власть или будет сильной, или ее не будет вовсе. Но эта власть должна быть в то же время — не бюрократической, не централизованной, не далекой от населения и не грубо-насильственной. Она должна быть ответственной и творческой; с дальноркой, большой идеей, с чистыми руками и с жертвенным служением.

10. Россия искони велась и строилась своими законными монархами. Ее история отмечает республиканскую форму *два раза* — московская «семибоярщина» в эпоху Смуты (1609—1612) и современное нам революционное бедствие (1917—1938). Это означает, что *Россия становилась республикой только в периоды разложения и провала*. Русская политика велась *князьями и государями* в период домонгольского киевского расцвета, в эпоху татар и освобождения от них, в эпоху возвышения Москвы, в эпоху возвышения Петербурга, в эпоху имперского и императорского объединения России, в эпоху освобождения крестьян и предреволюционного роста. Это историческое сопоставление говорит само за себя.

11. Историческая задача верховной власти в России была и будет всегда одна и та же: властно внушаемая сверху солидаризация всего народа вопреки сословному и классовому делению; организация России в *духе братской корпорации* и в то же время *в форме отеческого учреждения*; патриотическое объединение русских людей и народностей на основах веры в Бога, верности, чести, служения и жертвенности, при постоянном привлечении творчески сильных и идейно-талантливых людей снизу.

12. Россия может быть сильна и свободна только тогда, когда духовно и государственно на высоте ее ведущий слой (духовенство, офицерство, чиновничество, интеллигенция). Крушение ведущего слоя означает всегда крушение здоровой государственности и распад страны. Так всегда было, так всегда и будет.

13. России необходимо, чтобы ее *средний слой* был многочислен, состоятелен, патриотичен и организован. России необходимо, чтобы ее *крестьянство* владело землею на праве частной собственности; чтобы оно имело гражданское полноправие; чтобы оно вело интенсивное хозяйство. России необходимо, чтобы ее *рабочее сословие* было братски поставлено в достойные — духовные, материальные, жилищные, оседлые и семейные — условия жизни.

14. Жизнь России требует, чтобы все стояли за каждого, а один за всех; чтобы правительство и армия были неотрывны от народа, а народ от них; чтобы национальный инстинкт самосохранения чувствовал себя духовно правым и религиозно благословленным.

Таковы творческие уроки русской истории.

¹ Это не относится к учениям сатанинским, противоестественным и противогосударственным.

² См. мои брошюры «Три речи о России» и «Творческая идея нашего будущего».

6. Внешние причины русской революции

Причины русской революции глубоки и сложны. Не следует ни замалчивать их, ни упрощать. Напротив, тот, кто хочет бороться за Россию, должен тщательно и всесторонне продумать их...

Но это не значит отыскивать виновников и карать их.

Дело не в наказании и не в мести. Кто из нас самих во всем прав и безошибочен? А революция уже оказалась неслыханным по суровости, мучительным наказанием. Наказаны все: и богатые, и средние, и бедные; и социалисты, и либералы, и правые; и народ, стонущий под игом коммунистов; и эмиграция, рассеянная по лицу земли, нищая и униженная. А ныне наказуются уже сами коммунисты, ненавистные всему народу, проклятые в истории и сами изобретшие для себя унижительные судьбища, пытки и казни: они будут терзать друг друга до конца, пока гнев народа не смоет их в бездну. Историческое возмездие неизбежно и непредотвратимо; и только злобные и мстительные натуры могут предвкушать его и требовать новых потоков крови, которые прольются и без их требования.

Итак, за Россию отвечаем перед Богом мы все, все сословия, все партии, все поколения, весь народ. Одни виновны в своекорыстии и жадности; другие в доктринерстве и заблуждениях; третьи в трусости и сентиментальности; четвертые в прямой измене; пятые в беспочвенном бахвальстве, заносчивости и непредметном образе действий. Все виновны и в неверном делании, и в пассивном неделании...

Но суть дела не в *виновниках*, а в причинах. Причины же — не личные, а *общие*.

Говоря о причинах русской революции, надо иметь в виду причины *внешне-европейские* и *внутри-русские*. — Начнем с первых.

1. Русская революция есть *последствие и проявление глубокого мирового кризиса*, переживаемого всеми странами, каждую по-своему. Этот кризис грозит всем народам. Он назревал давно, но большинство не видело его и не разумело. Сущность его в *засилии материи* и в *бессилии духа*.

Человек призван от Бога к духовной власти — над своею *душою* и над миром *материи*. Эту власть западно-европейское человечество постепенно утрачивает.

Оно утрачивает власть над *душою* потому, что перестает верить в ее *самостоятельное бытие* и пренебрегает ее глубокими *бессознательными истоками*.

В древности человек владел душою при помощи *магии*. В христианскую эпоху он научился владеть ею через *божественное откровение и веру*. Ныне человек отверг и магию, и религию, и притом потому, что отверг и самую душу: он считает себя существом *материальным* и живет *суевериями*. Дух отмирает в нем; душа пренебрежена и запущена: ее ведут интересы, страсти и произвол. В человеке торжествует *материя* и *чувственный инстинкт*.

Но именно поэтому современное человечество утрачивает и власть над *материей*. Технические науки открывают перед ним *чрезмерные возможности*, которые человек не успевает ни продумать, ни подчинить высшим целям своей жизни. Материально — современный человек *может слишком много*; душевно — *слишком мало*; духовно — *почти ничего*. Он подобен ребенку, играющему с огнем, или обезьяне, жонглирующей динамитными бомбами. Материя становится самозаконной силой и увлекает человека в пропасть.

Так современное человечество затеяло и войну 1914 года, которая была ему не по силам. Так оно приближается и ныне к новой войне. Испытания и соблазны нарастают; для слабого духом жизненное бремя становится непосильным; техника изобретает душепотрясающие средства разрушения; духовные устои и удержки слабеют...

Русская революция возникла именно из такой диспропорции: испытаний, соблазнов и нервных потрясений, с одной стороны, и духовной неподготовленности — с другой. Эта диспропорция была выношена в Западной Европе и навязана ею нам *в виде войны*. Революция пришла в Россию в форме *военного крушения*.

2. Русская революция есть проявление современного *религиозного кризиса*: это есть попытка осуществить *антихристианский общественный и государственный строй*, задуманный в нравственном отношении Фридрихом Ницше, а хозяйственно и политически Карлом Марксом. Эта *зараза антихристианства* была принесена в Россию с Запада.

Западный европеец постепенно утрачивает веру в Бога и во Христа. Истоки этого безверия восходят к эпохе Возрождения (XIII—XV вв.) и к эпохе Реформации (XVI в.). Французские «энциклопедисты» (половина XVIII в.) как бы подводят итоги прежним «завоеваниям» безбожия и материализма. Французская революция явилась первым практическим проявлением их учения. Наполеоновские войны разнесли этот дух по всей Европе. «Просвещение» стало равнозначным материализму, отвлеченно-рассудочному мышлению, безверию и безбожию. Великие системы немецкой идеалистической философии (Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля) пытались противостоять этому безбожному духу и найти *философический* путь к Богу. Но учения их были непонятны даже современной им интеллигенции, а народу они не могли дать почти ничего. К тому же они были быстро извращены в сторону окончательного безбожия, материализма и прямого нигилизма (Бауэр, Фейербах, Штраус, Штирнер, Маркс). Во вторую половину XIX века эта атмосфера захватывает широкие круги западного общества и все более сгущается: повсюду *торжество чувственного опыта, плоского рассудка, материализма и безбожия*. Новое протестантское богословие питает дух сомнения и все более суживает сферу христианской веры. Запад теряет Христа. Фридрих Ницше начинает прямое восстание против христианства во имя «нестыдящегося» «варвара», во имя (буквально!) «дикого», «злого», «преступного» человека. В то же время этот новый враг христианства получает политическую и хозяйственно-общественную программу, а также и организацию от Карла Маркса. Яд готов. Ему нужно еще отстояться, перебродить и найти массу последователей. Он будет применен *в точке наименьшего сопротивления*. Этой точкой оказалась военно-переутомленная Россия, не выработавшая в себе этого яда, но именно поэтому не выработавшая и *необходимых отпорных противоядий для него*.

3. Итак, русская революция есть первый *опыт применения* западно-европейской программы экономического материализма и интернационального коммунизма. Россия стала как бы *опытным полем*, где жизненно насаждается безбожная

и противоестественная химера, выдуманная на Западе для разрешения европейского социально-хозяйственного кризиса. Надо изумляться, с какою готовностью и безответственностью, с каким отсутствием патриотизма и достоинства русская революционная интеллигенция предоставила Россию западно-европейским экспериментаторам и палачам...

Открытия естествознания (пар, электричество и др.) и практическое использование их в промышленной технике вызывают в XIX веке великий переворот в промышленности и в строении общества. Промышленность становится машинной и фабричной; машина подавляет ручной труд; образуется промышленный и торговый капитал, с одной стороны, и все возрастающий класс наемных рабочих с другой¹. Развивается мировой торговый оборот, слагается *биржевой* капитал со всеми его соблазнами и злоупотреблениями. Население Европы численно возрастает и уплотняется. Начинается погоня за рынками и колониями. Возникают две враждебные силы: *мировой капитал* и *мировой пролетариат*. Каждое государство оказывается *вооруженным хозяйственным предприятием* и конкурирует — и хозяйственно, и национально, и политически, и военно, — с другими государствами. И в то же время каждое государство *раздирается внутренними противоречиями*: и хозяйственными (борьба капитала и пролетариата, борьба промышленности и земледелия, борьба торговца и потребителя), и национальными (борьба национальностей и «меньшинств»), и политическими (республиканцы против монархистов, демократы против консерваторов, социалисты против буржуазных партий, клерикалы против светских партий), и религиозно-исповедными.

В этой атмосфере *назревающей социальной революции* и выдвинулась социалистическая программа. Коммунизм же есть не что иное, как последовательно и безоглядно проведенный социализм. Так, *Россия становится жертвою мирового капитализма и мирового социализма*...

4. Русская революция началась однако не во имя коммунизма, а во имя *демократии* и *республики*: она готовилась как *политическая революция*, которая должна водворить в России «свободу», «равенство» и «народоправство». Императорскую Россию расшатывали и подрывали, чтобы насадить в ней западно-европейские формы жизни, уже приведшие Европу к тупику и кризису.

Европейский политический кризис состоит, во-первых, в том, что в людях *вырождается правосознание*: оно оторвалось от своих *религиозных корней* и от христианского духа; и потому оно все более впадает в беспринципность и формализм; а это ведет к разнузданию правовой жизни, ко всеобщей деморализации и к социальному распылению. Правосознание отрывается постепенно и от *любви к родине*: в наши дни мир кишит людьми, которые или действительно не считают ни одну страну своею родиною, или же пытаются уверить себя, что они «интернационалисты».

Европейский политический кризис состоит, во-вторых, в том, что *демократически-парламентарный* строй медленно, но верно разлагает государственную машину, ослабляет государственную власть, понижает уровень правящей элиты и подрывает государственное единение партийною рознью. Все эти проявления и последствия демократически-парламентарного строя могли быть только вредны для России: они могли только развязать центробежные силы в стране, ослабить государственную власть, вызвать к жизни неслыханную демагогию, обострить классовую борьбу, создать угрозу гражданской войны и расшатать и ослабить Россию во всех отношениях — национально, хозяйственно и военно.

В действительности Россия нуждалась в мире, религиозном и гражданственном, в *воспитании народных масс*, в *закреплении и углублении аграрной реформы Столыпина* и в *развитии производительных сил*. Главные опасности ее были: война и революция.

5. Европейский кризис был делом, чуждым России. Европейская война была делом, крайне опасным для нас. Мы имели иные задания; мы боролись с иными затруднениями.

Рассудочное, материалистическое «просвещение» еще не проникло в толщу русского народа; оно заразило только русскую интеллигенцию — и то не всю, не до конца, и преодоление этой заразы было уже в ходу. Россия таила в себе великие запасы религиозной веры, что она и доказала во время коммунистических гонений на церковь. Русской интеллигенции предстояло великое задание — найти верное сочетание веры и знания и избежать того безбожия, которое разъедало европейскую культуру. К началу XX века этот поворот от *рассудка* к *верующему разуму* уже наметился в русской интеллигенции.

Хозяйственный кризис имел в России совсем иную природу, чем в Европе. Капитализм в России только еще зародился, и размеры русского «капитала» по сравнению с европейскими странами, а тем более с Соединенными Штатами — были просто детскими. Россия была страной сельскохозяйственной; и промышленного пролетариата в ней было сравнительно ничтожное количество. В «колониях» Россия нисколько не нуждалась: она еще не проработала собственных внутренних пространств и богатств. Вывоз и ввоз ее за последние 14 лет перед войной почти удвоились; вопрос о рынках сбыта мало беспокоил ее. Территориальные приобретения были ей решительно не нужны. Вопрос о черноморских проливах был делом далекого будущего. Участие в европейской войне, где в сущности за мировую гегемонию боролись Англия и Германия, ничего не обещало ей.

Политический кризис в России смягчился перед войной; он утратил свою остроту с тех пор, как, благодаря Столыпину, началась творческая работа Государственной Думы. Россия нуждалась больше всего в длительном *мире*, в *развитии своих производительных сил*, в установлении *прочного правопорядка* и расцвете своего *духовного творчества*. Как страна, технически отсталая, хозяйственно экстенсивная, не проработавшая еще ни своих душевных, ни своих хозяйственных возможностей, — она не могла принимать участия в борьбе европейских стран, которые отчасти *именно поэтому* торопились и ускорляли эту войну.

6. Вступая в 1914 году в великую войну, Россия имела единственного истинного друга — маленькую, но героическую Сербию. Только Сербия видела великие задания России; только она им сочувствовала; только для нее Россия была не «*просто средством*» и не просто *объектом* или *жертвой*.

Запад *никогда не знал Россию и не понимал ее*. Не зная ее и ее языка, не чуя ее духа, — он верил всякому вздору о ней и сам сочинял и распространял этот вздор. Европа боялась России, не любила ее и презирала ее. За последние 100 лет она всегда была готова навредить ей, ослабить и оклеветать ее. Запад интересовался Россией лишь в торговом и военном отношении; да разве еще в смысле возможного расчленения или подчинения ее. Следуя тайным указаниям европейских политических центров, которые будут впоследствии установлены и раскрыты исторической наукой, Россия была *клеветнически ославлена на весь мир*, как «оплот реакции», как гнездо деспотизма и рабства, как рассадник антисемитизма, как колосс на глиняных ногах. Движимая враждебными побуждениями, Европа была заинтересована в военном и революционном крушении России и помогала русским революционерам укрывательством, советом и деньгами. Она не скрывала этого. Она сделала все возможное, чтобы это осуществилось. А когда это совершилось, то Европа под всякими предлогами и видами делала все, чтобы помочь главному врагу России — советской власти, выдавая ее и принимая ее за законную представительницу русских державных прав и интересов.

Таким образом, русская коммунистическая революция была гибельным даром Запада — Востоку, а затем и всему миру. Она есть плод европейского духовного разложения; продукт европейского хозяйственно-социального кризиса; результат европейского политического «просвещения»; последствие европейской войны за рынки и за мировую гегемонию. Она есть детище европейского безбожия, европейского распада и европейского империализма.

¹ Статистические данные о европейском пролетариате приведены в «Русском Колоколе» № 4.

7. Внутренние причины русской революции

К внешним причинам присоединились внутренние. Ни те, ни другие сами по себе не были *достаточными* причинами, но *вместе* — они довершили беду, и катастрофа разразилась.

В отличие от Франции, переживавшей перед своей большой революцией период упадка, Россия переживала в царствование Императора Николая Второго период бурного роста и расцвета¹.

За двадцать лет (1894—1914) население ее увеличилось на 40%; урожай хлебов возрос в одной европейской России на 78%; количество рогатого скота возросло на 64%; количество добываемого угля увеличилось на 300%; нефти — на 65%, площадь под свекловицей — увеличилась на 150%, под хлопком — на 350%; железнодорожная сеть возросла на 103%; золота в Государственном Банке прибавилось на 146%. Бюджет Министерства Народного Просвещения увеличился на 628%, число обучающихся в низших учебных заведениях возросло на 96%, в средних — на 227%, в университетах — на 180%. Россия бурно строилась и расцветала; темп этого строительства значительно, иногда во много раз, *опережал рост населения* и мог соперничать с темпами Канады. Каждое следующее поколение имело бы все лучшие и лучшие условия жизни. Главный и труднейший из ее внутренних вопросов, — аграрный, — мирно разрешался. Помещичьи хозяйства, поскольку они были нежизнеспособны, таяли и скупались, при содействии государства, крестьянами. Перед самым началом революции крестьяне составляли около 80% всего населения страны. И вот, 79% земель сельскохозяйственного назначения принадлежало трудовому крестьянству², и только 21% этих земель можно было причислить к «капиталистическому» землевладению. В то же время великая аграрная реформа Столыпина постепенно, но чрезвычайно успешно рассасывала хозяйственно и психологически — застойную сельскую общину, укрепляя в крестьянстве личную собственность на землю, насаждая хуторское землевладение и развязывая великие запасы творческой инициативы во всей России³.

Итак, Россия шла на всех парах к великому подъему и расцвету. Этот подъем был сорван войной и революцией. В чем же причины этого срыва? 1. Великая европейская война (1914—1918) была для всех воюющих стран страшным потрясением, грозным историческим экзаменом. России пришлось приступить к нему в состоянии *не готовом*, в период неподготовленности армии и флота (после японской войны!), в эпоху хозяйственного переустройства, в эпоху духовного и политического брожения, в эпоху ослабления императорской власти, в эпоху технической отсталости. Все эти условия до крайности затрудняли военную победу. Война должна была неминуемо проявить все технические затруднения и все хозяйственные неустройства; а военные неудачи грозили вызвать всеобщий упадок духа и обострить душевно-духовный и политический кризис в стране. Это и совершилось.

2. Духовный кризис, проявившийся во время войны, состоял в том, *что русское всенародное правосознание не стояло на том уровне великодержавия, который был необходим России*. Так было и в народной массе, не постигавшей ни разумом, ни волею великодержавных задач, затруднений и опасностей России, и в интеллигенции, предававшейся сентиментальным мечтам, политическому радикализму и хозяйственно-

социалистическим утопиям. Бороться за русское самостояние и за историческое единство России такое правосознание могло только при *большом подъеме духа*, при *непоколебимости монархической формы* и при *отсутствии тяжелых неудач на фронте*.

3. Это можно было бы выразить еще так: русский духовный характер оказался не на высоте тех национальных задач, которые ему надо было разрешать⁴. В нем не оказалось надлежащей религиозной укорененности, непоколебляющегося чувства собственного духовного достоинства, волевой самодисциплины, отчетливого и властного национального самосознания. Все это имелось налицо; но не в достаточной силе и распространенности. Почему? Вследствие ряда исторических причин: вследствие недостаточной просвещенности простонародной души светом Евангелия и светом исторически-национального видения; вследствие зараженности русской интеллигенции безбожием и революционностью; вследствие сравнительной молодости и отсталости русского образования; вследствие двух с половиною векового татарского ига; вследствие непрестанных и трудных войн за последние 400 лет; вследствие великих бунтов — Смуты, Разинщины и Пугачевщины; вследствие непреодоленности сословных обид эпохи крепостного права; вследствие многонационального состава русского народа; вследствие всех трудностей смешанной азиатской крови, равнины и климата...

Русскому народу пришлось принять на свои плечи бремя великодержавия до того, как созрел окончательно его характер, до того, как окрепло его государственное и национальное самосознание. Нам пришлось нести все бремя азиатского тыла и материкового пространства — и в этой войне. И русский характер поколебался. России, стране экстенсивной и технически отсталой, пришлось воевать со странами интенсивными и технически передовыми. Время работало на Россию; но время требовало выдержки, а ее не хватило.

4. За последние два века *православная церковь* утратила свою независимость от государства и от его великодержавного аппарата. Это отразилось и на ее самосознании (она привыкала служить правительству и не дерзала самостоятельно вести народ к Богу), и на ее строении (на значение, отрыв от верующих, ослабление приходской жизни), и на ее воспитывающей силе, и на свободе и авторитетности ее суждений.

5. В крестьянстве не было еще утверждено начало *частной собственности*; а частная собственность воспитывает народ к хозяйственной инициативе, к самостоятельности, к правопорядку, к чувству собственного достоинства, к элементарной честности, к лояльности, к борьбе за родину. Крестьянство находилось во власти *количественного аграрного психоза*, всячески поддерживавшегося демагогией левых партий. Крестьянство видело спасение не в интенсификации хозяйства, а в расширении площади своего землевладения, и воображало при этом, что в стране имеются бесконечные запасы удобной земли и что эти запасы принадлежат помещикам: оставалось только «нажимать» на помещиков и «захватывать» государственную машину, т. е. приступить к *погромам* и *революции*. На этом психозе партия социалистов-революционеров и проводила февральскую революцию и выборы в Учредительное собрание (1917 г.).

6. В России не сложился еще и не окреп *средний класс*, уравнивающий государство, составляющий оплот правопорядка, правосознания, частной инициативы, патриотизма, семьи, добрых нравов и порядочности. Богатое крестьянство, вышедшее из общины, и окрепший средний класс сумели бы уже через 20 лет отстоять Россию от соблазнов социализма и от восстания коммунистов. Это понимали европейские державы и потому торопились с войною.

7. Значительный кадр русской интеллигенции не был на высоте. Он был заражен западным рассудочничеством, доктринерством, безбожием и революционностью. Он «верил» в демократию и не понимал, что демократический строй не для всех народов подходящ и что он сам переживает великий кризис. Эта часть русской интеллигенции предавалась всевозможным утопиям, — то сентиментальным (анархизм Кропоткина,

толстовство), то революционным (республиканство, социализм, коммунизм). При этом революционная интеллигенция раз навсегда от вернулась от трона, создававшего 1000 лет великую Россию; она изолировала его, расшатала его оппозицией и клеветой, а сама оказалась совершенно неспособной к власти.

В России была и другая интеллигенция: верующая и верная, патриотическая и созидательная. Но именно *вследствие этого* она не болела честолюбием, не политиканствовала и обычно оказывалась оттесненной и заглушенной радикальными партиями.

8. В предреволюционной России не было *государственной сплоченности* и русский национально-государственный интерес не царил в умах. Шла социально-классовая борьба: помещики и крестьяне, фабриканты и рабочие, горожане и сельские жители, торговцы и потребители — выдвигали свой классовый интерес и группировались вокруг своих классовых партий. *Сверхклассовое* единение — важнейшее в жизни каждого государства, — только намечалось. Военные неудачи развязали классовую борьбу, и простой народ повалил за классовыми-революционными партиями. Белая армия осуществила сверхклассовое государственное единение по всей России, но психоз разложения и распада взял уже верх.

9. В предреволюционной России не доставало и *национальной сплоченности*. Целый ряд народов, входивших в состав русского государства, тянул не к *России*, а от *России* *прочь*. Эти народы не только участвовали в русском революционном движении; некоторые из них старались вредить России и за границей, — при помощи как явных, так и тайных организаций. Россия, как многонациональная империя, не закончила еще своего формирования. А за границей *назревал мировой заговор против нее*.

10. *Отношение к русской национальной армии* было в России не на высоте. Все слои народа, затронутые революционным брожением, смотрели на армию, как на орудие «реакционного» правительства, тянули к ее разложению и «революционному братанию» с нею. Так было уже в 1903—1905 году. В 1917 году это настроение вспыхнуло в виде настоящего психоза.

11. В довершение всех этих опасностей в России *пошатнулась вековая сила императорской династии*.

Силу династии колебали и расшатывали еще в XVIII веке дворцовые перевороты, производившиеся дворянством (1725 г. — восшествие на престол Екатерины I, 1730 г. — воцарение Анны Иоанновны, 1740 г. — воцарение Анны Леопольдовны, 1741 г. — воцарение Елизаветы Петровны, 1762 г. — свержение Петра III и воцарение Екатерины II, 1801 г. — убийство Павла I и 1825 г. — бунт декабристов): участники переворота навязывали трону свою волю и свой классовый интерес. Чтобы представить себе, чем это грозило России, достаточно вспомнить, что декабристы намеревались освободить крестьян без земли, т. е. пролетаризировать русское крестьянство (это всего через 50 лет после пугачевского бунта!).

Для того, чтобы правовое оформление России, оживление ее творческих сил и освобождение крестьян могли состояться ко благу России, трон должен был предварительно укрепить и подняться на высоту сверхсословного, всенародного созерцания; что и состоялось при Императоре Николае I. Славные реформы Императора Александра II и, в частности, освобождение крестьян на условиях, недоступных и неизвестных Западу, были величавым проявлением окрепшей монархической власти. *Именно после этого творческого апофеоза монархии революционные партии немедленно начали свою террористическую работу против трона.*

Последовавшие затем многочисленные покушения на Царя-Освободителя, завершившиеся его мученической кончиной 1 марта 1881 года; новые покушения на Императора Александра III (1883 г. — при участии Ульянова, брата Ленина, и 1888 г. — крушение императорского поезда в Борках); убийство великого князя Сергея Александровича (1905 г.); поток террористических угроз, направленных против

Императора Николая II и других членов династии (1905 г. и сл.), — все это глубоко оскорбляло русскую императорскую династию, колебало ее веру в свое призвание, подрывало в ней волю к власти, расшатывало ее водительную силу. Вокруг трона все время подогревалась и искусственно сгущалась атмосфера *республиканствующего недоверия*; в либерально-радикальных кругах царила клевета и разливалось злорадование...

После военных неудач 1915 года это настроение стало принимать формы сознательной изоляции и подготовки дворцового переворота. Монархический строй заживо разлагался. В членах династии угасала воля к трону и воля к власти. И все закончилось отречением и великим неискупимым мученичеством.

Таковы были внутренние причины революции в России. Все остальное было лишь проявлением или последствием этих причин: и февральский переворот, и октябрьская революция.

¹ См. подробную статистическую сводку С. С. Ольденбурга в № 1 «Русского Колокола». В основе этой сводки лежат данные объективного и очень осведомленного английского источника.

² Считая участки до 50 десятин. См. подробные данные у лучшего знатока аграрного вопроса в России проф. В. А. Косинского. «Русский Колокол» № 4

³ См. мою статью «Будущее русского крестьянства» в № 3 «Русского Колокола».

⁴ См. об этом мои опыты: «Основные задачи правоведения в России». Публичная речь, произнесенная в Москве в 1922 году. Русская Мысль. Прага, 1922, кн. VIII—XII. А также «Творческая идея нашего будущего», 1937.

8. Отжившие предрассудки русской интеллигенции

В духовном укладе русской интеллигенции есть отжившие предрассудки, к которым она не должна возвращаться. Некоторые из этих предрассудков открыто выговаривались, другие допускались бессознательно и молчаливо. Ныне мы призваны продумать их до конца и освободиться от них.

1. Русская интеллигенция не видела и не постигала *глубокого своеобразия России*. Она не понимала, что Россия может строиться только *самобытным творчеством*, а не слепым заимствованием у Запада. Она не разумела, что *русский национальный духовный акт* — *иной*, чем у западного европейца, и что поэтому у русского должна быть иная вера, иная наука, иное искусство, иное правосознание, иное государство, иной уклад жизни. Петр Великий никогда не поработал русский дух — западному. Остерман недаром записал за ним слова: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». Творящему не страшно никакое заимствование; кто умеет только подражать, тот погубит свое творчество.

2. Русская интеллигенция обычно относилась к простому народу с «состраданием» и с затаенным чувством «вины» («кающийся барин»). Но она не знала своего народа, не видела его творческую силу, плохо верила в его *организаторскую способность* и даже уверовала в подкинутую ей иностранцами теорию, будто порядок и культура были принесены русским полудикарям «норманнами»¹.

3. Истинная наука не исключает *веру* и не разрушает ее. Безбожие есть не высшее проявление культуры, как думала русская интеллигенция, а проявление духовной слепоты, духовной нечуткости и ограниченности. Христианское откровение отнюдь не осуждает науку и не стремится заменить ее. Русской интеллигенции предстоит великая творческая задача — внести дары христианства в научное исследование и утвердить христианство светом истинного научного знания².

4. Христианство отнюдь не отрицает ни права, ни государственной культуры; оно совсем не проповедует сентиментального непротивленчества³. Об этом свидетельствует вся великая традиция христианской церкви и русского православия. Русская интеллигенция должна раз навсегда отвергнуть соблазны непротивления.

5. *Культура* (дух!) и *цивилизация* (внешняя дисциплина и техника!) — отнюдь не одно и то же. Русская интеллигенция должна понять, что у цивилизованных народов может выродиться духовная жизнь, что мы ныне и наблюдаем. Русский народ, сильно отставая в вопросах цивилизации, *всегда имел* глубокую и самобытную духовную культуру. Противостоит думать, будто менее цивилизованные народы суть исторический навоз для более цивилизованных.

6. Русская интеллигенция воображала, будто в жизни есть только «отвратительная действительность» и «святой идеал». Она не видела Божьего присутствия в ходе истории и не понимала, что «идеал» требует от человека прежде всего строгости к самому себе, скромности и долгой борьбы со своими страстями; — что *Бог близок, а идеал далек*. Поэтому она страдала маниловской мечтательностью, доктринерством, политическим максимализмом и социальным утопизмом. Надо уметь трезво беречь унаследованное национальное достояние и с молитвою в сердце впрягаться волею и делами в несовершенное (творческий реализм!).

7. Русская интеллигенция вслед за Кропоткиным, Бакуниным и Л. Н. Толстым, верила, что чем полнее *свобода*, предоставленная человеку, тем быстрее и полнее он приблизится к совершенству. Отсюда ее сентиментальный либерализм и тяга к анархии. Она считала, что государство не столько воспитывает человека, сколько развращает его; и потому она всегда была готова поддерживать всякое оппозиционное, противогосударственное, революционное начинание. С этим соблазном она должна покончить.

8. Русская интеллигенция держалась за предрассудок, будто справедливость требует *равенства* и будто жизнь будет тем справедливее и лучше, чем больше людей будут во всех отношениях уравнены⁴.

9. Русская интеллигенция склонялась к тому мнению, что «гражданин вселенной» всегда выше патриота с его националистическими пристрастиями. Отсюда возникало ее тяготение ко всевозможным «интернационалам» и ее безразличное или холодное отношение к своей национальной армии.

10. Русская интеллигенция не умела верно принимать и уважать *частную собственность*. Многие собственники умели быть щедрыми; но далеко не многие понимали, что собственность обязывает к творческому труду и что обогащающий хозяин служит не только себе, но и всему на роду и своему государству. В связи с этим русская интеллигенция готова была преклоняться перед низшим видом труда — физическим (перед «мозолистыми руками» и «пролитым потом») и решительно недооценивала *глубину, утонченность и ответственность духовного творчества*.

11. В довершение всего русская интеллигенция страдала неверным самосознанием. Она рассматривала свое положение, как «привилегированное», и всегда несколько «конфузилась» от своих «преимуществ». Она не понимала, что ведущий слой должен давать народу *творческую идею, волевою энергию, воспитание характера и национально-правовую организацию*; и что, если он выполняет это призвание свое, то все, связанные с этим «преимущества» являются не более, чем необходимым условием жизни и скромным вознаграждением⁵.

Будущая русская интеллигенция должна быть свободна от этих предрассудков; иначе она не поведет Россию и не возродит ее. Эти предрассудки во многом подготовили и февральский переворот, и коммунистическую революцию.

¹ Доктрины Байера и Шлецера (восемнадцатый век).

² См. в № 5 «Русского Колокола» мою статью «Идея обновленного разума».

³ См. мое исследование «О сопротивлении злу силой».

⁴ См. ниже главу о равенстве и справедливости.

⁵ Срв. у Ключевского: «Русская История», т. V, стр. 115 и 141.

9. Сущность большевизма

Большевизм есть не что иное, как *последовательно проведенная революция*: ничем не сдержанный и все сметающий дух безбожия, дух поругания святынь, дух зависти и мести, дух восстания низшего на высшее, дух отрицания и разложения, дух грабежа и террора. Этот дух заложен в *каждой революции*, хотя не каждая осуществляет его последовательно и до конца. Русская же революция явила его именно до конца.

Революция не есть просто «насильственное свержение нежелательной власти». Такое свержение следует называть не революцией, а *переворотом*. Революция же есть *массовое духовное заболевание*: ослабление и распадение *духовных устоев*. Если слабеет только одно правосознание, а силы религиозной веры, совести, чести, патриотизма, национального чувства остаются непоколебленными, то все эти силы скоро залечивают рану правосознания и переворот не становится революцией. Но если все эти священные силы духа находятся в состоянии кризиса, то может распасться и выродиться вся жизнь. Поэтому ныне для России надо желать не «революции», а *политического переворота*, который должен возродить национальную Россию и обновить всю ее жизнь.

В силу указанных выше внешних и внутренних причин, политический переворот в России в 1917 году не мог не превратиться в революцию, которую революционеры всячески старались углубить, разлагая все устои жизни и духа. В результате этого и возник большевизм¹.

Итак, большевизм есть *разложение духа и разнуздание алчности* в человеческой душе. В человеке разлагается и слабеет духовное начало; он начинает посягать на все и разрешать себе все. Формулы большевизма: «все немедленно мне» и «все средства хороши». Именно поэтому на большевизм так легко отзываются все *беспринципные карьеристы*, все *политические авантюристы*, *безыдейные честолобцы*, *продажные люди*, *хулиганы* и в особенности *профессиональные преступники*. Большевизм есть вторжение разбоя в политику и в то же время превращение внутренней и внешней *политики* государства в *уголовщину*.

Большевицкое настроение всегда живет в нравственных низах общества. Но оно может охватить и целый класс. Тогда этот класс станет *революционным*; требования его окажутся *максимальными* и государственно-разрушительными; он не остановится ни перед какими средствами борьбы и начнет гражданскую войну. Поэтому в политическом отношении большевизм есть *максимализм* и *терроризм*.

В душе, заболевшей большевизмом, смолкают все духовные побуждения: правосознание, патриотизм, чувство чести, долг, совесть и вера. Тогда человек отдается жадности и «политика» его становится свирепой и бессовестной. Такой дух живет в классовом понимании государства у Маркса. Классовая борьба есть не что иное, как прикровенная и «приличная» гражданская война; достаточно «революционному классу» потерять терпение и ожесточиться — и гражданская война начнется в открытую. Поэтому большевизм по самому существу своему отвергает *государство*, ибо государство есть начало *сверхклассового мира*, *солидарного сотрудничества*, *твердого правопорядка* и *справедливости*. Большевизм отвергает и самое право и пытается построить жизнь на принуждении.

Правопорядок строится на самостоятельном и самостоятельном субъекте прав; на законе и законности; на справедливости. Большевизм отвергает все эти основы. Он подавляет свободного человека, его инициативу и его духовное самоуправление: человек есть для большевика материальный атом, покорная машина или раб. Большевик отдает все в монопольное распоряжение государства: люди делятся для него на *чиновников* и *бесправных рабов*. Поэтому большевизм есть *деспотизм*. Он презирует закон и законность: власть не связана ничем, а рабы связаны вечным гнетом и страхом. Большевицкое государство является *единственным работодателем во всей стране*: всякая частная собственность отменяется: частных предприятий нет. Все оказываются абсолютно *бедными и абсолютно зависимыми от монопольного работодателя*. Все оружие конфискуется: восстание без оружия невозможно. *Нищета, голод и страх закрепляют рабство*. И над всем возвышается новое привилегированное сословие — коммунистическая партия (около 2% всего населения), вооруженная, всем распоряжающаяся и пронизывающая страну всеобщим политическим сыском и доношением.

В *хозяйственном* отношении большевицкое государство осуществляет *коммунистический* строй (называемый также социализмом). Идея коммунизма состоит в том, чтобы 1) погасить личную инициативу в хозяйстве и заменить ее всепредусматривающим и всерегулирующим распоряжением, идущим из полновластного центра; 2) в том, чтобы погасить у людей личную заинтересованность в труде и заменить ее принуждением и обязательным для всех революционным «пафосом»; 3) в том, чтобы построить хозяйство по единому плану на равенстве *бесправных наемников*. Это приводит к всеобщему безразличию, падению качества и количества продукта, к страшному повышению себестоимости, к «плановому» хаосу, ко всеобщей бесхозяйственности и безответственности, к падению производства, потребления и вывоза.

В смысле мирозерцания — большевизм есть *материализм*: нет ничего кроме материи и чувственных состояний тела. Нет души. Нет духа. Нет Бога. Религия есть лицемерная выдумка богатых, для одурачения и порабощения бедных. Иисуса Христа «не было». Христианство есть фальшь. Любовь есть вредный предрассудок. Духовная культура есть «буржуазный» вздор и ложь. Хорошо то, что полезно большевицкой революции. Добро и зло, красота, истина, честь, любовь к отечеству, национализм — пустые и вредные выдумки. Семья есть реакционная форма жизни; ее надо разрушить. Христианская церковь есть главная реакционная сила и главная опасность для большевицкой революции. Отсюда гонения на христианство и, в особенности, на Православие. *Россия есть лишь плацдарм и орудие для мировой революции. Все народы должны быть соблазнены, разложены и покорены коммунистической революцией.*

Для всего этого необходимо *разрушить весь исторически унаследованный душевный уклад и подорвать все прежние духовные основы человека*. Это надо осуществить *во всем мире; и притом — любой ценой*, не останавливаясь ни перед какими злодеяниями, *не щадя ни поколений, ни народов*.

Таковы планы и «дары» большевизма: освободить человека от веры, совести и чести, сделать его безродным, бессемейным нищим и поработить его мировому коммунистическому центру, опирающемуся на безбожников и злодеев всех стран («Коммунистический Интернационал»).

¹ См. мою брошюру «Яд большевизма». Женева, 1931.

10. Отрицательные уроки русской революции

Все то, что русский народ пережил в коммунистической революции и что я здесь не могу ни описать, ни исчерпать, открыло и утвердило в назидание нам следующие истины.

1. *Безбожие* разлагает в человеческой душе все священные основы жизни: веру, совесть, честь, верность, любовь к отечеству, правосознание, чувство ответственности, чувство ранга, справедливость и дисциплину. Начинается разнуздание человеческого инстинкта; бессознательная духовность человека перестает определять его образ жизни. Всюду торжествуют злые страсти. Правопорядок гибнет. Государство переживает крушение. Народ обрекается на унижение, муку и вымирание.

2. *Материализм* обесмысливает, опустошает и разрушает жизнь. Человек не сводится к телу, чреву и похоти; он не машина, не чувственное животное и не голодный зверь. Такое понимание ведет ко всеобщему унижению, к рабству и бесконечной муке.

3. Всякий *ненавистник* вызовет в других ненависть и сосредоточит ее на себе. Всякий *предатель* будет однажды предан сам. Всякий грабитель будет сам ограблен и убит. Таков закон самоуничтожения зла.

4. Завистью и ненавистью нельзя ничего построить: ни государства, ни культуры, ни хозяйства. *Созидает только любовь*: любовь к Богу, любовь к отечеству, доверие к правителю, взаимное доверие, уважение и братство граждан, сострадание к слабым, всеобщая сверхклассовая солидарность.

5. В жизни народа важнее всего и ценнее всего *качество*: качество души (сердца, воли, ума, образованности) и качество создания (поступка, строения, картины, книги, закона, хозяйственного продукта). Количество, лишенное качественного достоинства, — обманно, смешно и позорно. Злая душа не построит ни здоровую семью, ни здоровое государство.

6. Кто отменяет и разрушает *семью*, тот — уродует детскую душу; он насаждает общий разврат, общее ожесточение, нравственную анархию и беспризорность. Он подрывает самые основы народной и государственной жизни.

7. *Общественный класс* имеет смысл и жизнь только как живая часть народно-государственного организма. Различные классы нуждаются друг в друге и восполняют друг друга. Они должны ценить друг друга и сотрудничать. Диктатура одного класса (*все равно, какого!*) разваливает всю народную жизнь: восстающий и посягающий класс погубит государственное единение, обессилит страну и сам будет поработен своими вожаками.

8. *Классовая борьба* есть прикровенная гражданская война. Гражданская война свирепее и разрушительнее международной. Кто начинает ее во имя одного класса, тот становится предателем своего отечества и ведет к гибели всю страну.

9. *Революция* есть не «спасение», а начало гибели. Она разнуздывает людей; она научает людей пренебрежению к праву и к закону. Народ, не уважающий права и закона, — потеряет все свои права и будет поработен.

10. *Социализм* несет людям не братство, а классовую ненависть; не новую справедливость, а худшую несправедливость; не свободу, а свирепый зажим.

11. Коммунизм не уважает *человеческую личность* и ее свободную самостоятельность. Поэтому он идет против духа и *против природы* и может насаждаться только голодом, страхом и кровью (террором).

12. Коммунизм отменяет *частную собственность* и делает всех безнадежными нищими, зависимыми от коммунистической партии и власти. Этим он подрывает в народе желание трудиться и распространяет всеобщую лень, саботаж, взяточничество, воровство и всяческую безответственность. Все это губительно для культуры и народного хозяйства.

13. Коммунизм не бережет народные силы, а *растрчивает* их: личная, частная инициатива подавляется; работа из-под палки становится ненавистна и непродуктивна; всенародное уговаривание работать из-под палки — безнадежно; аппарат всенародного надзора и понуждения к работе — не заменит человеческой самостоятельности; все

предвидеть из центра и все всем приказывать через чиновников — есть затея нелепая и неосуществимая. Все это — ведет к *растрате сил и всеобщему оскудению*.

14. Если в государстве начнут править интернационалисты, то они не захотят и не сумеют блюсти *исторические интересы народа*. Порабощенный народ станет средством для чужих ему интересов. Он будет разорен и обессилен, а в последний час предан на поток и разграбление воинственным соседям.

Таковы отрицательные уроки революции. Этим они отнюдь не исчерпываются: здесь они только начинаются. Однако не продумавший и не усвоивший этих основ не постигнет и остального.

И прежде всего он не постигнет религиозного смысла русской революции.

11. Религиозный смысл русской революции

Коммунистическая революция является величайшим бедствием и провалом в истории России. С нею не может сравниться ни одна из войн, ведшихся русским народом. С нею не может сравниться ни Смута (1605—1613), ни бунты Разина (1667—1670) или Пугачева (1773—1775). Это бедствие равновелико по своей глубине и по своим последствиям разве только татарскому погрому, хотя разворачивается в совершенно иных формах. Как тогда, так и теперь дело идет *о самом бытии России, об ее исторической судьбе, о субстанции ее духа*. Как тогда, так и теперь русский народ стоит перед величайшим испытанием, которое или погубит его, или закалит; оно или разложит до конца его дух и его культуру, или же очистит их, углубит и возвеличит. Как тогда, так и теперь русский народ чувствует себя стоящим перед лицом Божиим и отвечает на ниспосланное ему бедствие молитвенным сосредоточением души и воли.

И он прав в этом. Путь к возрождению России ведет через *одухотворение и благодатное оживление русского национального инстинкта*. Именно последняя глубина души может и должна возродить Россию: искренняя и цельная жажда Бога и божественного в жизни. Испытания и лишения, унижения и муки должны поднять со дна наш затонувший «Град Китеж», должны возродить «Святую Русь» в душе русского народа. В этом религиозный смысл революции.

Революция совершилась отнюдь не в силу положительной воли Божией, ибо Господь не может хотеть зла; но в силу Его *попущения*. Нелепо и пагубно думать, будто коммунистическая власть в России «установлена» Богом и будто в силу этого русские люди должны повиноваться ей «за совесть». На самом деле не Господь восхотел этого потока зла и страдания, но соблазняющие и соблазненные люди восхотели его, злоупотребляя своею человеческою свободой и идя по пути страстного произволения и греха.

Напрасно было бы приводить здесь слова Апостола Павла из Послания к Римлянам (гл. 13, ст. 1—10), где действительно сказано, что «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (ст. 1), и что «противящийся власти противится Божиему установлению» (ст. 2). Ибо эти слова Писания, как и другие, непозволительно отрывать от контекста, от общего духа и смысла. Из общего же контекста и смысла (ст. 1—10) явствует с очевидностью, что Ап. Павел требует повиновения властям потому, что он *подчиняет самих правителей Богу и Его заповедям*. Власть устанавливается Богом для того, чтобы начальник был «Божьим слугой», чтобы он поощрял добро и пресекал зло; правители «постоянно заняты» этим служением Богу, и в греческом тексте называются не только «архонтами», но и «диаконами»

и «литургами». В этом их призвание. Ими должен руководить тот же высший закон любви, что и повинующимися им гражданами. Именно поэтому (по гречески «дію») мы должны повиноваться им «не только из страха наказания, но и по совести». Иными словами: *наша совестная лояльность причитается Божиим слугам, а не слугам сатаны*. Коммунистическая же власть, сеющая зависть, ненависть, страх, унижение и ложь, поощряющая всякое зло и искореняющая всякое добро, ведущая кровавое гонение на веру и верующих, служит не Богу, а сатане, и потому мы, христиане, должны отказать ей в повиновении и повести против нее непримиримую борьбу словом и делом¹.

Итак, безбожная и бессовестная власть не связывает нашего правосознания. Она послана русскому народу для закаления, очищения и укрепления его духа. Попустить злу значит «не воспрепятствовать» ему, как бы отвести обороняющую руку, предоставить злу развернуться по его внутренним законам и совершить заложенную в нем судьбу его: одним в наказание, другим в научение, третьим в испытание, или в укрепление и закаление; героям — в возвеличение, мученикам и святым — в прославление.

Попущению этому придет однажды конец: *когда окрепнет вера и закалится воля в русском народе*. К этому времени и мы должны быть готовы: мы должны умудриться через наказание, закалиться в испытаниях, уразуметь ошибки и упущения прошлого, преодолеть соблазны настоящего; чтобы с обновленною, крепкою верою и государственно-национальной волею заткать ткань новой России.

Религиозный смысл русской революции — не в подчинении большевизму, а в борьбе против него во славу Божию и во имя Великой, Богу служащей России.

¹ См. об этом в моих статьях в Возрождении, 1936, от 18, 23 и 25 апреля. №№ 3972, 3977, 3979.

12. Вера в Бога

Чтобы возродить Россию, русский человек должен *жизненно укоренить свою душу в Боге и принять* эту укорененность — *сердцем, волею и разумом*. Тогда в его душе расцветет цельная и огненная вера,двигающая горами. Именно такая вера ему и необходима для возрождения и воссоздания России.

Здесь недостаточно мыслить «идеал» и иметь в душе «идеализм». Идеал есть величина отвлеченная; он зовет только издали; он не срастается с последними, глубокими корнями инстинкта. А если он срастается с ними и начинает вести человека изнутри, то он становится предметом *веры*.

Несомненно, что «идеализм» гораздо лучше безразличия и гораздо выше своекорыстия. Но «идеализм» должен стать *реальною силою* в жизни и *целостным* состоянием души. Она должна связать себя с таким идеалом, который есть сразу: нечто *объективно лучшее* и в то же время *объективно сущее*, т. е. *подлинно-реальное, подлинное совершенство*. А это есть Бог.

Надо цельно и верно любить идеал. И для этого надо убедиться в том, что этот идеал не только «мой» идеал и не только «для меня» идеал; но что он есть идеал всегда и для всех, потому что он на самом деле совершен. И это есть Бог.

Надо *видеть реальность идеала*, — не только тогда, когда нам удастся осуществить его в жизни, но и тогда, когда мы далеки от него в наших слабостях, страстях и грехах. Он подлинно реален и без нас, и помимо нас; но хочет и должен осуществиться и через нас. И это мы должны видеть — сердцем, волею и воображением. И это есть вера. А предмет веры есть Бог¹.

Вера не есть умственная теория, но она не есть и слепой страх. Вера не отвлеченное богословие; но она не есть и суеверие фанатика. Вера есть *живой огонь*, светящий и греющий; вера есть личная сила, возникающая от *богосозерцания*; *открытость души для всего божественного*; *преданность* Богу даже до смерти: способность жить тем, за что стоит бороться и умереть. Она *свободна* и не терпит запрета и принуждений. И потому она *терпима*. Она ценит каждую искру Божию в душе человека; она ценит и внеисповедную религиозность. Она цельна и действенна.

Никакое земное строительство невозможно без Бога. Так обстоит не потому, что Бог не терпит человеческого безбожия и немедленно наказывает за него. Нет, человеку дается *свобода* верить и не верить, молиться и не молиться, помнить о Боге и безумствовать во грехах. Ибо Богу нужна *свободная* вера, *свободная* молитва, *свободное* благочестие. Откровение даруется, а не навязывается. Путь к Богу открывается, но не делается принудительным и не должен становиться насильственным. Но человек свободно впадает в неверие и нечестие, сам *опустошает свою душу от всех божественных зовов, желаний и побуждений*. Смолкает *голос совести*, и люди становятся бессовестными. Исчезает воля к *качеству* на всех путях жизни, и люди предаются всем порокам, скверно работают и создают одно плохое (плохое искусство, плохую жизнь, плохие дома, плохой хозяйственный продукт). Отмирает чувство ранга, и все начинают посягать на все. Любовь уступает место ненависти, знание подменяется и снижается, воспитание становится развращением. В душах не остается *чувства ответственности*. И вся жизнь наполняется жестокостью, страхом, бесстыдством и нуждой. И это понятно. Ибо *чувство Бога* есть первоисточник совести и любви, то первичное лоно, где зарождаются — воля к качеству, чувство ранга и чувство ответственности.

Ныне русский народ, оторванный террором от храмов и духовенства, измученный и униженный безбожниками, будет свободно и настойчиво искать путей к Богу, будет добиваться искренней, цельной и неколеблющейся веры, основанной на самостоятельном, но подлинном богосозерцании. Из тюрьмы не возвращаются «бесследно»; прозревший слепой смотрит на жизнь новыми глазами; видевший ад обращается к Богу из последней глубины, из потрясенного сердца и трепещущего инстинкта. Это будет настоящая жажда Бога и всего божественного. Религия и храмы будут восстанавливаться с любовью и благоговением. Души обратятся к Богу; это обращение будет осуществляться живым личным опытом; живой опыт найдет примирение с разумом. Возникнет обновленная вера; она углубит и окрылит созерцающее воображение, *чтобы сердце узрело Бога и все Его лучи в мире*. Такая вера пробудит волю; воля станет характером, а характер поведет к поступкам. Так, верую в Бога возродится русский национальный характер.

Крушение наше последовало потому, что мы не жили Богом в наших сердцах и делах: погасили в себе Его огонь, растеряли в себе Его искры и разложили первоосновы нашей жизни. Теперь души должны укорениться в Боге.

¹ См. об этом в первых двух главах моей книги «Путь духовного обновления».

13. О характере и предметности

Укорениться в Боге значит стать сильным в *добре*. Быть сильным в добре значит иметь настоящий *духовный характер*.

России необходимы, ей дороже всего отныне и на века — люди с сильным, религиозно укорененным и верным характером. Это они — строили Россию в прошлом. Это они будут строить ее и впредь. Для русского народа нет выбора; если он не сумеет укрепить в себе национально-духовный характер, тогда он вообще не сможет удержаться на исторической арене; тогда он будет отваян в пространство, как мякина, или затоптан, как глина¹.

Россия сокрушилась в революции потому, что русские люди были в большинстве своем добродушны, но *слабы в добре*. Сильных же в добре было немного. И вот, когда появились люди *сильные во зле* и стали звать массы не бояться падения, падать, скользя вниз по линии наименьшего сопротивления, — то множество слабых поколебалось и отдалось этому зову. Тогда сильные в добре повели неравную борьбу с сильными во зле при бесхарактерном нейтралитете или слабохарактерном разложении массы. И победило зло.

Чтобы в русском человеке сложился и окреп духовный характер, он должен *увидеть добро, поверить ему и в него и полюбить его*; это видение, эта вера и любовь должны передать свой *духовный заряд воле*, и заряд этот должен быть осмыслен и принят *разумом*. Тогда душа русского человека станет *свободною и цельною в добре*: он утвердит свое *духовное достоинство*, и вследствие этого *честь и честность* станут необходимыми и устойчивыми формами его жизни. Рабские черты угаснут в нем навсегда. Он утвердит в себе *Сына Божия*; и соблазны разнуздания и всесмешения будут ему не страшны. Его поведет *дух предметного служения*.

Россия не освободится и не возродится, пока русские люди не вступят на *предметный путь*.

В каждом труде, в каждом жизненном деле есть своя большая, *все осмысливающая цель*: высшая задача всех усилий, прекрасное и священное призвание нашей жизни. Все мы — от уличного метельщика до министра — не рабы и не каторжники; мы никогда и не были ими, даже во времена сословного закрепощения. Это проклятие, ныне повисшее над русским народом при коммунистах — должно исчезнуть вместе с ними навсегда. Мы все призваны к тому, чтобы верно осмысливать *предметную сущность нашей работы*, чтобы видеть оком духа ее предметное значение и назначение, чтобы желать сердцем ее успеха. Ибо мы все служим некому высшему Духу на земле, Божьему Делу, делу России и через это Божьему плану мира и истории. Ибо жизнь русского народа, *бытие России*, — достойное, творческое, величавое бытие, — входит в этот план и составляет живую и благодатную часть этого Дела.

Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, — *я служу России*; не маммоне, и не просто «начальствую»; не карьере, и не просто работодателю. Но именно России: ее спасению, ее строительству, ее качеству, ее величию, *ее оправданию перед лицом Божиим*. Жить и действовать так — значит жить и действовать согласно главному предметному призванию русского человека; это значит служить Божьему Делу и жить *предметно*: службу превратить в *служение*, «дела» и «делишки» освятить духом Дела.

Это значит, во-первых, вывести себя из состояния холодного безразличия и слепоты ко всему *общему и высшему*: к делам совести, веры, чести, права, справедливости, церкви, искусства и родины. Проснуться и выйти из гипноза бездействия и страха; растопить свою льдину, расплавить свою черствость, преодолеть свою проклятую жестоковейность. Ибо *предметность* противостоит прежде всего *духовному безразличию и холоду*.

Она противостоит, во-вторых, узкому и плоскому своекорыстию, тому «шкурничеству» и той *беспринципной изворотливости*, к которым советская власть систематически приучает русских людей вот уже двадцать лет. Ибо по духу и по программе коммунист есть рабовладелец, а тем, кого он ограбит и поработит, он прививает *рабский дух* «шкурника», «ловчилов» и лодыря: нежелание трудиться,

презрение к качеству труда и продукта, жажду урвать, окопаться и отсидеться, пользование всеми средствами и путями и пораженческое злорадство во всех делах. Коммунизм есть настоящая школа противоположности.

Этому мы противопоставляем ныне идею религиозной предметности в жизни и в делах, идею верности Делу, идею мужественной и жертвенной прямоты.

В непредметной душе нет духовного измерения вещей и нет чувства собственного достоинства; нет совести и чести; нет чувства ответственности, нет крепкой грани между добром и злом. Бога нет. Предстояния нет. Нет правосознания и национального достоинства. А потому такой человек не служит Делу. Его ведут приобретательство и честолюбие — эти исконные, вековые враги всякой предметной политики.

И, как всегда и во всем, так и здесь: *начинать оздоровление надо с самого себя*. Надо победить в самом себе дух национального безразличия, уныния и малодушия: надо любить Россию и верить в творческие силы русского народа. Надо победить в себе дух *частного, личного, партийного, классового интереса*: надо восхотеть русского, всероссийского, единого и общего. И, наконец, надо *укорениться сердцем и волею в Божьем Деле*, до бесстрашия, до непоколебимости: надо твердо верить *в свои и в национальные бого-укорененные силы*.

Тогда остальное воспоследует и развернется само собою.

¹ См. мою брошюру «Творческая идея нашего будущего».

14. Церковь и государство

Это драгоценное и спасительное укоренение русских душ в Боге отнюдь не надо представлять себе, как систему «религиозного принуждения», или как появление «обязательной церковности», или как водворение официального ханжества, или как гонение на иноверцев и безбожников.

Вера, исповедание и церковь есть дело внутренней духовной потребности. Это есть *дело добровольное и свободное*; дело личного обращения, духовного видения, исповедующего сердца. Вера не терпит принуждения; «обязательная» вера родит одно лицемерие. Для иноверцев мы имеем только свободное изложение доводов и удостоверение веры делами. Безбожники нуждаются в духовной помощи, а не преследовании. Им можно *воспротивиться сеянию соблазна*, но их нельзя лишать других, человеческих и гражданских прав.

Вообще нельзя делать веру, исповедание или церковность критерием гражданской или публичной правоспособности: напр. — «только верующие могут вступать в брак»; или — «только члены прихода участвуют в государственных голосованиях»; или — «кто не принадлежит ни к какому исповеданию, тот не может занимать никакой должности». Вера есть счастье; безверие — несчастье; несчастному нужна помощь, а не наказание. Вера насаждается свободно, а не вымывается в государственном порядке. Сделать веру и церковность условием правоспособности — значило бы *вызвать в массе интерес к религиозному притворству и наводнить церковь симулянтами и лицемерами*. Вера по расчету — есть соблазн и извращение. Вера от страха — есть ложь и пошлость.

Принадлежность к исповеданию и церкви может быть только невынужденной и свободной. В этом церковь принципиально отличается от государства. Ибо принадлежность к государству определяется *законом*: она обязательна и принудительна.

В силу одного этого церковь и государство не могут ни *совпадать*, ни *подчинять*, ни *заменять* друг друга. Они должны быть самостоятельны.

Это не есть «отделение церкви от государства», но *духовное согласование их служений*. Нужно возвращение к старой русской, допетровской (отнюдь не византийской) традиции. Церковь должна быть самостоятельной и самозаконной организацией внутри государства, под единым главою (в Православной Церкви — Патриарх). Церковь и государство служат единой высшей цели: Делу Божьему на земле, но — *разными способами и средствами*. Отсюда разделение сфер и органическое согласование целей и усилий; обоюдная независимость организаций при взаимном непосягании и невторжении.

Мы не верим в «теократию»: государство есть дело земное, человеческое; его надо строить, *имея Бога в сердце*, но не возлагая на Бога ответственности за свои земные решения и человеческие поступки. Мы отрицаем «цезарепа-пизм»: Государь не может и не должен быть главою церкви. Мы отрицаем и «папоцезаризм»: глава церкви не должен посягать на светскую власть в государстве, на звание правителя или Государя.

Государство не должно править церковью — ни в сфере догмата, ни в сфере обряда, или таинства, или организации; оно может требовать от церкви только *верности родине и соблюдения общих законов*. Церковь учит и советует; если необходимо, — то обличает и отлучает, но не властвует в государстве. Государство ограждает церковь и помогает ей, но не господствует над ней. Церковь молится и проповедует; государство правит, судит и воюет. Священник и правитель, монах и воин — сослужители дела Божьего на земле, совоспитатели национальной души народа. Они сочетают свои усилия, но идут различными путями.

Государство не может и не должно злоупотреблять церковью в светских делах, обезличивать ее, навязывать ей свои мерилы и способы действия, нарушать тайну исповеди, искажать или снижать присущую церкви любовную благодарность зова и научения. Государство не должно превращать свои субсидии церкви в оружие давления на нее. История знает такое обхождение государства с церковью, но она свидетельствует о том, что оно всегда вредило призванию и делу церкви, что оно всегда было в высшем смысле слова — *противопредметным*.

Однако церковь не должна злоупотреблять своим влиянием и авторитетом в жизни: ни в государственных делах, ни в делах духовной культуры. Политиканство только уронит авторитет церкви. Попытки принудительного оцерков-ления жизни и культуры только восстаноят людей против веры. Формальная причисленность к церкви есть *сущяя неправда перед лицом Божиим*. Церковь должна звать людей откровением и любовью, примером и свободой, но не навязывать себя принудительно, торопясь любой ценою установить церковную «тоталитарность».

Церковь приемлет мир и возводит его к Богу, но не насилует его и не распоряжается его земными делами.

Только в таком сочетании своих сил церковь и государство смогут достойно строить свою земную родину.

15. Любовь к Родине

Родина не есть то место на земле, где я родился, произошел на свет от отца и матери, или где я «привык жить»; но то *духовное место*, где я родился *духом* и откуда я *исхожу в моем жизненном творчестве*. И если я считаю моей родиной — Россию, то

это означает, что я по-русски люблю, созерцаю и думаю, по-русски пою и говорю; что я верю в духовные силы русского народа и принимаю его историческую судьбу своим инстинктом и своею волею. Его дух — мой дух; его судьба — моя судьба; его страдания — мое горе; его расцвет — моя радость.

Вот что думает и чувствует настоящий патриот, говоря о своей родине:

«Народ мой! Я рожден из твоих недр плотию и духом. Во мне горит тот самый дух, который горел в моих предках. Во мне живет и меня водит тот инстинкт народного самосохранения, который вел тебя через дебри и муки твоей истории»... «Вздых моего народа есть *мой вздох*; и стон моего народа есть мой стон. Я силен его силою и эту силу я отдаю *ему* и *за него*. Я связан с ним в единое *мы*. Я верую в его духовную мощь и в его творческие пути. Я сам творю так, как он; с ним молюсь и работаю, с ним созерцаю и мыслю; мечтаю иметь все его достоинства и болею о его слабостях и несовершенствах. *Его* национальный интерес есть *мой*, личный. Я радостно приобщаюсь к его славе, и терзаюсь в дни его крушения и позора. *Его* друзья — *мои* друзья. *Его* враги — *мои* враги. Ему принадлежит моя жизнь. Его язык есть мой язык. Его земная территория — есть моя территория, и армия, верная ему — есть моя родная армия. Я не избирал его, ибо это он сам родил меня из недр своих. Но, будучи рожден им, я избрал его и принял его в последнюю глубину моего сердца. И потому я *верен* ему; и верен именно *ему* — во всех положениях, трудностях и опасностях жизни. Этого чувства я не могу питать сразу к двум народам. Нельзя человеку иметь двух матерей, или исповедовать две различные веры. И если народ мой велик и многообразен и принял в себя струи многих кровей, — то всякая из этих кровей может и должна найти свое крещение в его *духе*; и всякая из них призвана связать *свою* судьбу с *его* судьбою, и мыслить, и чувствовать себя в духовном тождестве с ним»...

Такое исповедание своей родины произносится нами не только перед людьми, но прежде всего *перед лицом Божиим*. Правоту нашей родины, священность ее великих очагов, ее историческое призвание — все это мы должны утвердить в порядке религиозном. И если кто-нибудь скажет нам, что христианство несовместимо с патриотизмом, потому что христианин есть «гражданин вселенной», — то мы ответим ему, что заблуждение на его стороне. Ибо христианин не отвергает богоданный мир, но *приемлет его во всех его драгоценных ризах и необходимых законах*.

Христианин любит свою земную родину, дорожит ею, блюдет ее достоинство, радеет о ее величии. Он видит в ней некое *священное сокровище, живое веяние Духа Божия*. Родина есть для него национально воспринятый, исторически взращенный и в земные дела вработанный *дар Духа Святого*. *Народ не Бог, но силы его духа — от Бога*. Путь его исторической борьбы и его страданий — есть путь его восхождения к Богу; этот путь дорог и священен для меня. Его святые и пророки — мои духовные отцы; его гении — мои учителя; его правители и герои — мои вожди.

Поэтому я всегда молюсь за него; ненасытно и трепетно изучаю его историю; горжусь созданиями его культуры (религии, науки, искусства, права, хозяйства); берегу его земное жилище (территорию, природу, богатства, здания): приемлю его армию сердцем и честью, волею и делом.

И потому исповедую перед лицом Божиим: *родина священна; ею надо жить; за нее стоит бороться и умереть*. Отрицание ее — есть соблазн. Отречение от нее гибельно. Правы другие народы, если они любят *так* свое отечество. И если *все* народы будут *так* чувствовать и поступать, то они научатся чтить друг друга, как братья перед лицом Единого Отца.

Первая, живая ячейка родины есть семья.

16. Семья

Человек рождается не только в недрах родины, но и в лоне семьи. Семья есть первая родина. Родина есть великая, национальная семья. Как соты пчелиные состоят из запечатанных ячеек с благоухающим медом, так жизнь народа состоит из семей: каждая ячейка отделена и запечатана, и все-таки все они вместе сращены в единство; в каждой ячейке свой мед, но из этих медов состоит единый мед целого улья. Разружьте ячейки — и вытечет мед, и распавшуюся вошину отдадут на переплавку...

Семья вырастает из *любви*, живет любовью, родит и растит любимых детей. Поэтому она есть первая школа любви и жертвенности. Кто убивает семью, тот гасит любовь в своей стране. Тогда остается одна разрушительная ненависть.

То, что нужно сейчас России, — это *умение любить крепко и долго*. Ей нужна любовь долгого и глубокого дыхания. Где же научатся ей русские дети, если не в крепкой, единобрачной семье своих родителей?

Только в семье любовь *чиста*, верна и органически-строительна. Вне семьи — она становится распутною и приучает людей к безответственности, измене, анархии и общественному распаду: безответственные и распущенные родители плодят беспризорных людей.

Нам не удастся ни освободить, ни возродить Россию — без чувства *национального достоинства*, без *веры в благие силы своего народа*. Где же научатся этому русские дети, если не в своей родной семье? Где загорится этот огонь национальной гордости, если отец и мать не будут блюсти его словом и делом? Кто внушит нашим детям веру в Русский Народ, если русская семья развеет и растеряет эту веру?

То, что нужно России навеки, — это *сила русского национального характера*. Исторически этот характер зарождался в суровой русской природе; он закалялся в войнах; приобретал глубину и благородство в молитвах; выковывался в монастырях и в армии. Но хранилищем его была прежде всего русская семья. И ныне эта семья должна понести и осуществить свое призвание: она должна *превратить самые нужды, беды и лишения свои в школу характера для своих детей*, чтобы новое русское поколение получило тот крепкий закал, ту стоическую выдержку, ту свободу небоящегося духа, без которых нам не воссоздать порядка в России.

Семья есть первая школа *взаимного доверия, солидарности и дисциплины*. Именно здесь человек учится подчиняться и властвовать в знак любви и справедливости. Таким образом, семья дает человеку первые начатки правосознания.

В семье русский ребенок должен научиться первой основе гражданственности: *умению чтить авторитет* и в то же время *оставаться внутренне свободным*. Он должен научиться здесь *чести, жертвенности и справедливости*. Здесь он должен въяве и вживе понять, что значит «один за всех, все за одного». Ибо он сам однажды создаст семью, новую семью следующего поколения и внесет в нее тот самый дух, который он бессознательно вынес из впечатлений своего детства.

Семья есть *родовой очаг всех здоровых традиций*. Человечеству нелепо начинать все сначала каждые двадцать лет. Опыт и мудрость накапливаются тысячелетиями. Культура без традиции — невозможна; а традиция передается верно и полно только в знак любви и заботы, т. е. в семье.

Семья есть *трудовой очаг*, трудовое, наследственное единение людей. Где прочна семья, там народ работает и богатеет, там цветет народное хозяйство.

Семья дает человеку два священные первообраза: образ *любящей чистой матери* и образ *сильного и благостного отца*. Через них душа учится прилепляться к родине-матери и возноситься к Богу-Отцу. И кто пронесет эти два первообраза через всю жизнь, тому никакие дьявольские соблазны не будут страшны.

Вот в каком смысле семья есть хранилище национального духа и здорового правосознания.

17. Что есть истинный национализм

Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого *все великое* может быть сказано человеком или народом *только по-своему*, и все гениальное родится именно в лоне *национального опыта, уклада и духа*. Денационализуясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли. Национальное обезличие есть великая беда и опасность: человек становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом, а народ превращается в исторический песок и мусор.

Всей своей историей и культурой, всем своим трудом, созерцанием и гением каждый народ служит Богу, как умеет. И для этого служения каждый народ получает свыше *дары Святого Духа и земную среду для жизни и борьбы*. И каждый по-своему приемлет эти дары и по-своему создает свою культуру в данной ему земной среде.

И вот, национализм есть уверенное и страстное чувство, — что мой народ действительно получил дары Святого Духа; что он принял их своим инстинктивным чувствилищем и творчески претворил их по-своему; что сила его жива и обильна, и призвана к дальнейшим великим, творческим свершениям; что поэтому народу моему подобает культурное *«самостояние»*, как залог его величия (формула Пушкина), и *независимость государственного бытия*.

Итак, национальное чувство есть *любовь* к историческому облику и к творческому акту своего народа.

Национализм есть *вера* в его духовную и инстинктивную силу; вера в его духовное призвание.

Национализм есть *воля* к творческому расцвету моего народа — в земных делах и в небесных свершениях.

Национализм есть *созерцание* своего народа перед лицом Божиим, созерцание его истории, его души, его талантов, его недостатков, его духовной проблематики, его опасностей, его соблазнов и его достижений.

Национализм есть *система поступков*, вытекающих из этой любви и веры, из этой воли и этого созерцания.

Вот почему истинный национализм можно описать как *духовный огонь*, возводящий человека к жертвенному служению, а народ — к духовному расцвету. Это есть *восторг* от созерцания своего народа в плане Божиим, в дарах Его Благодати. Национализм есть *благодарение* Богу за эти дары; но он есть и скорбь о своем народе, если народ оказывается не на высоте этих даров.

В национальном чувстве источник *достоинства* (Суворов: «Помилуй Бог — мы русские!»), источник *братского единения* («Постоим за дом Пресвятыя Богородицы!»), источник *правосознания* («Грозно служить и честно прямить»).

Но истинный национализм учит и покаянию, и *смирению* — при созерцании слабостей и крушений своего народа:

«За все, за всякие страдания,
За всякий погранный закон,
За темные отцов деянья,
За темный грех своих времен,
За все беды родного края, —
Пред Богом благости и сил,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил!»
(Хомяков).

Истинный национализм открывает человеку глаза и на *национальное своеобразие других народов*: он учит не презирать другие народы, а чтить их духовные достижения и их национальное чувство, ибо и они причастны дарам Божиим, и они претворили их по-своему, как могли. Он учит еще, что *интернационализм* есть духовная болезнь и источник соблазнов; и что *сверх-национализм* доступен только настоящему националисту: ибо создать нечто прекрасное для *всех* народов может только тот, кто утвердился в творческом лоне *своего* народа. Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален.

Такова сущность истинного национализма. И мы не должны колебаться в нем, внимая соблазнам псевдохристианского или безбожного интернационализма.

18. О здоровом правосознании

Напрасно думают о праве и о государстве, что им есть дело только до «*внешнего поведения*» человека; что если это «*внешнее поведение*» в порядке, то внутренняя жизнь человека безразлична. Это западно-европейское понимание права, сложившееся в девятнадцатом веке, глубоко ошибочно и таит в себе множество опасностей. Ибо на самом деле право и государство обращаются к *внутреннему миру* человека, они чтут в нем *свободного субъекта прав* и подсказывают его *само-сознанию* и его *право-сознанию*, что именно ему по закону «можно» (полномочия), «должно» (обязанности) и «нельзя» (запретности). Поэтому в каждом государстве правопорядок зависит не только от «законов» и от «полиции», но прежде всего и глубже всего — от *правосознания граждан*.

Все, что человек творит, он творит изнутри; и если он хочет сделать что-нибудь хорошее, то он должен сам стать внутренне лучше. В этом нравственная аксиома христианства.

Поэтому мы, русские люди, должны прежде всего обуздать, воспитать и укрепить в добре свои души. Жадные люди создадут хищную государственность; завистливые люди создадут общественный строй злобы и террора; продажные люди сведут все к взятке и предательству. России же нужны люди с христиански укорененным, честным и крепким правосознанием.

Поэтому мы должны научиться: ставить дело родины, как Божие дело, выше своего личного интереса; помышлять о служении России, а не о личной карьере; служить не соблазненно, неподкупно, по совести и по справедливости; на власть смотреть не как на почет и выгоду, а как на бремя, обязывающее и ответственное.

Мы должны утвердить в себе чувство собственного духовного достоинства, уважая в себе подобие Божие и звание русского человека. Только это застрахует нас от всяческой кривизны и низости.

Мы должны обуздать в себе беспредметное честолюбие и тщеславие, жадность, зависть, мстительность, склонность к озлобленному напору и отпору. Без этого мы не внушим к себе доверия, не создадим ни порядка, ни мира. Мы должны развить в себе самообладание, дисциплину и чувство духовного ранга. Эти свойства необходимы всякому гражданину, тем более всякому организатору, чиновнику и правителю. Кто не умеет повиноваться, тот не способен повелевать.

Мы должны научиться чтить закон и добровольно, накрепко вменить себе в обязанность его соблюдение, — соблюдая при этом не букву закона, а *скрытый в каждом законе дух порядка, справедливости и братства*.

Мы должны чтить в каждом человеке бессмертную душу, *брата пред лицом Божиим и свободного субъекта прав*.

Каждый русский должен быть нам дорог как носитель русского огня и русского будущего.

Помышляя о России, мы должны всегда идти не от частей к целому (от людей, сословий, классов — к государству), но от целого к частям, понимая, что государство не только дает права и выгоды, но требует от всех служения и жертв. Один за всех, все за одного. Только жертвою и служением восстановим Россию.

Таковы черты здорового и могучего *христианского правосознания*. Мы должны усвоить его сами и передать его другим. Кто не усвоит его, тот извратит политическое единение людей и не выдержит бремени власти.

19. О политической деятельности

Тот, кто хочет *политически* служить России, должен прежде всего понять, *в чем состоит сущность политики*, и верно настроить свою душу для нее. При этом он, может быть, скоро убедится, что он *не призван* к такой работе, что в душе его нет надлежащих сил и умений; и тогда он поступит правильно, если сосредоточит свои силы на другой работе, а в политике уступит первенство другим, призванным. Надо раз навсегда покончить с вредным предрассудком, будто политика есть дело легкое, общедоступное и не требующее ни особых способностей, ни знаний, ни подготовки. Ибо на самом деле политика есть дело сложное и трудное, требующее дара и искусства.

Нам надо начать с того, чтобы извлечь идею государства и политики из той предреволюционной *пошлости*, в которую совлекает эти идеи демократический строй, и из той революционной *грязи*, в которую эти идеи сброшены коммунистическим строем. Политика совсем не есть сочетание из демагогической агитации и слепого, полупродажного «голосования», из честолюбивой толкотни, партийной интриги и беспринципного компромисса; так обстоит обычно в демократиях. Но политика не есть и смешение насилия и коварства, свирепости и лжи, она не есть темное дело презренных плутов, где чиновник становится вымогателем или разбойником, а авантюрист или уголовный преступник выходит в чиновники; так обстоит дело в большевизме.

Политика есть дело *правовой и справедливой организации* национального бытия. *Организации*: значит, необходима *воля, такт, прозорливость в распознавании людей, жизненное чутье* и знание законов общественной жизни (социологическое, юридическое, экономическое, историческое образование).

Эта организации должна быть *правовая*: значит, необходимо *здоровое правосознание, чувство ответственности, способность к подчинению и к власти, патриотическое и национальное чувство, честь и честность*.

Эта организация должна быть справедливая: значит, необходима живая совесть, любовь к людям, религиозная и нравственная укорененность души.

Следовательно, политика требует не ловкого проходимца и не хитрящего интригана, а человека настоящего (волевого и духовного) качества. Отсюда в высшем смысле слова *аристократическая* природа государства, значение духовной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки. При этом аристократия (правление лучших) — разумеется, не по рождению, не по сословию, не по богатству, а по *качеству и достоинству лица*. Нельзя вводить такой политический строй, при котором всякий бесстыдник и карьерист будет выдвигаться наверх только потому, что он сумеет стать угодным массе. Выдвигаться должны *лучшие* люди, призванные к политической деятельности.

После революционной ставки на жадность, на слепоту, на трусость и на бесчестие — Россию спасет только *ставка на качество*. Из хаоса, из разложения, из оскудения — есть только один путь: к сосредоточению благородной воли, к волевой дисциплине, к интенсивному труду, к *отбору и выдвиганию лучших* национальных сил. Надо *творчески развязать качественные силы России*.

Русская политика нуждается прежде всего в *честной верности*. Что могут построить бесчестные и продажные руки? Революция уже дала ответ на это. России нужны *опыт и умение* — во всех областях: от генерального штаба до кооперации, от торговли до полиции. Нам надо приобретать этот опыт и это умение, чтобы отдать их России.

Россия будет голодать по *знающим и способным* людям, — на всех поприщах: от бухгалтерии до медицины, от профессуры до агрономии, от церкви до армии. И особенно — в политике.

России необходимы *воля и талант*. Их нельзя ничем заменить: ибо талант творит новое, а воля строит и держит организацию народной жизни. Революция скомпрометировала партийный отбор; новый отбор должен быть деловым, *предметным*, а не *партийным*.

Дорогу честности! Дорогу знанию и таланту! Дорогу *русскому гению*! Новая, *качественная эпоха* нужна нашей родине, эпоха, которая довершила бы все упущенное, исцелила бы и заростила бы все язвы революционного времени. *Качество* необходимо России: люди верные, волевые, знающие и даровитые; крепкая и гибкая организация; напряженный и добросовестный труд; выработанный, первосортный продукт; высокий уровень жизни. Необходима верная и мудрая, справедливая и предметная политика; политика, ведомая честью и прозорливостью, а не политиканство, мятущееся в честолюбии, криводушии и всеобщем обмане.

Только так создадим новую, сильную и национальную власть в России.

20. О власти

Есть русская национальная идея власти, выношенная русской историей, вскормленная и освященная православным христианством. Согласно этой идее христианин берет власть не из честолюбия, а *из желания служить Богу и людям*. Поэтому он чувствует свою ответственность даже тогда, когда никто с него не взыскивает; именно поэтому он никогда не злоупотребляет властью.

Власть есть *духовная сила*; она покоится на уважении и доверии, на согласии людей повиноваться авторитету. Это согласие надо беречь, оно драгоценно. Если его разочаровать и растратить, то власть сведется к страху и насилию.

Кто принимает власть, хотя бы самую малую, тот принимает не только *полномочие* распоряжаться, но и обязанность распоряжаться. Отныне он обязан указывать людям, что им «можно», «должно» и «нельзя», конечно, — в отведенных ему пределах. И за неисполнение этой обязанности он подлежит суровой *ответственности*.

Только тщеславные люди пьянеют от власти; только глупцы впадают в «административный восторг» и в суетню; только неумелые люди начинают возвышать голос и махать руками. Власть есть бремя; надо нести его *достойно и спокойно*. Всякая власть имеет свои *пределы*; необходимо их строго соблюдать, не впадая в «превышения». Власть организует и движет жизнь, бездействие власти разрушает живой порядок. Власть должна *импонировать* людям: необходимо, чтобы люди ее уважали; кого они не уважают, тому они не повинуются. Надо, чтобы люди постоянно ощущали, что власть *хочет добра*, что она *неподкупна и справедлива*, что она *сильна и тверда* и что ее дело *действительно удается ей*. Внешние усилия власти не должны бросаться в глаза; пусть людям кажется, что дело идет *само собою*. И только тогда, когда неповиновение явно подрывает престиж власти, необходимо уметь показать, что она *сильна и даже грозна*.

Власть есть проявление *духовного достоинства и воли*. Кто вручает власть недостойным людям, тот губит ее. Кто вручает власть безвольному, тот подрывает ее. Власть призвана выбирать, решать, предписывать, настаивать и понуждать. Кто к этому не способен, тот *должен быть устранен от власти*. Властвующий обязан проявлять государственный авторитет и вести борьбу за него. Для этого ему необходимы независимость и мужество; он не должен и не смеет бояться толпы. В серьезном и критическом столкновении властвующий должен быть готов *умереть на своем посту*.

И при том он должен всегда: помнить Бога, блюсти верность России и не бояться ответственности.

Было бы, однако, величайшим заблуждением, если бы кто-нибудь захотел утверждать, будто государственная власть «всемогуща» и должна поэтому впитать в себя и как бы поглотить всю жизнь народа.

Все духовное в жизни зарождается, зреет и творится *в самостоятельности человека*, по его внутреннему, таинственно-органическому почину (Аристотель выражал это термином «*диану́*», буквально: «через самого себя»). Государственная власть ставит себя в нелепое и смешное положение, когда начинает предписывать веру, молитву, любовь, вдохновение, творчество, добродетель или иные духовные состояния. Столь же безнадежно и вредно подавлять свободный почин людей и в области хозяйства и труда. Жизнь народа подобна не машине, а растению: к ней надо присматриваться и приспособляться, ей можно осторожно помогать и устранять ее болезненные проявления. Но заменить ее — нечем; а произвол будет для нее губителен. И государственная власть всегда должна помнить, что ее настоящее призвание состоит в том, чтобы *служить живому организму* народа, защищать его и оберегать, а не подавлять.

21. О сопротивлении злу силою

Нельзя сделать людей насильно честными и добрыми. Совершенствование души есть дело *свободы, любви и очевидности*. Ни приказ, ни принуждение, ни запрет, ни угроза, ни наказание — этого не достигнут. Христианину это ясно без доказательств.

Но это не значит, что право «не нужно», что государство правит «насилием», что суд есть дело «греховное», а наказание нравственно недопустимо (как думают непротивленцы во главе с Л. Н. Толстым).

Отвергнуть право — значит отвергнуть мирное и справедливое размежевание человеческих притязаний. Отвергнуть право — значит разрушить все человеческие организации и водворить повсюду хаос и резню. Кто от чрезмерной «святости» отвергает право, тот дает людям возможность сложить с себя всякие обязанности и попать чужие полномочия: он должен понять, что его святошничеством воспользуются злоумышленники...

Государство держится совсем не насилием, а *правовым авторитетом, живым правосознанием граждан, их добровольной «лояльностью»*. Нелепо думать, что в государстве все всех ко всему принуждают. Сила пускается в ход редко; огромное большинство людей не нуждается в ее применении. Судится в судах и наказывается самое небольшое меньшинство граждан. Отожествлять государство с насилием могут только наивные люди или же отъявленные хитрецы.

Суд и наказание необходимы: они укрепляют и воспитывают человеческое правосознание. «Не судите» сказано не государству, а подозрительному и злоязычному человеку; это сказано о нравственном суде, а не о юридическом. И Христос сам не уклонился от суда, зная, что этот суд будет злостный и жестокий.

Государство призвано сопротивляться злу силой. Его призвание не в том, чтобы проповедовать добро и вызывать в человеческих душах умиление, — это призвание семьи и церкви, — но в том, чтобы пресекать противозаконные и злые дела всюду, где это необходимо. К этому деятельность государства *не сводится*; но это пресечение несомненно входит в его обязанности. Отказаться от этого значило бы предать слабых на угнетение или на растерзание сильным; или же предать свой народ на порабощение и эксплуатацию иностранцам. Человек имеет право прощать свои обиды, но не чужие страдания. Он имеет право жертвовать *собой и своим* имуществом, но не своими братьями и не своей родиной.

Само собою разумеется, что это сопротивление злу силою может стать обязательным не только для людей, находящихся на государственной службе и пресекающих его от лица государства, но и для каждого из нас в повседневной жизни. Однако человек имеет право противопоставить злодею свою силу, не тогда, когда ему этого хочется, а тогда, когда он чувствует, что при данном положении вещей он призван к этому и нравственно обязан это сделать. В этом случае долг есть мерило права.

Но и в этом случае человеку *естественно* (а может быть, даже и *неизбежно*) почувствовать в своей душе некоторый осадок злобы, ожесточения, отвращения или ненависти, вызванный этим необходимым и обязательным поступком и отравляющий его душу («как будто я в чем-то испачкался», или «огрубел», «озверел», или «грех на душу принял»). Тогда он призван *очистить свою душу покаянием*. Не раскаянием в том, что он совершил, как если бы он совершил что-то недолжное, запретное или греховное, в чем ему хотелось бы дать теперь зарок: «никогда больше не совершу этого» или «я не смел поступать так и впредь этого не повторится», но раскаянием в тех *злых страстях*, которые живут в нем и вот, пробудились от этого верного поступка и замешались в это необходимое дело. Тогда человек говорит о себе: «Поступив так, я был прав; я не должен был иначе поступать и не смел иначе действовать; и если впредь случится подобное, то я опять поступлю так же; но душа моя от этого замутилась, соблазнилась и ожесточилась; она вложилась в это дело не только своими благими силами, но и злыми; и эти злые силы моей души нуждаются в покаянном очищении»...

После международных войн, гражданских войн, смут и революций такое покаянное очищение души надо проводить всецерковно и всенародно, — и для тех, кто участвовал в «смутном воровстве», и для тех, кто «верно служил и прямил» родине: дабы состоялось умягчение души и «всепрощение», и люди «пришли в чувство и правду»¹.

¹ Выражения Забелина. См. «Минин и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время», стр. 126.

22. О верном компромиссе

Такова земная жизнь человека и христианина. Он всегда должен по совести хотеть лучшего; но он должен помнить, что есть множество положений в жизни, из которых *нет праведного исхода*, и что во всех этих случаях необходима *внутренняя честность с самим собою*.

Многие люди поступают так: всю жизнь ловко грешат в свою пользу; а когда придет опасность и потребует волевого подвига, тогда они вспоминают о праведности и о «нравственном совершенстве» и начинают разводить фальшивое и сентиментальное ханжество. В результате они оказываются жизненными дезертирами и прославляют впоследствии мнимую «чистоту своих риз».

Человек с религиозным и сильным характером *не уклоняется от компромисса, когда этого требует его служение*: он принимает решение и совершает поступок, — защищает слабого и больного, обличает предателя, доносит на торговца живым товаром; он дерется с нападающим убийцей, отстаивает правое дело в гражданской войне, сражается за родину на фронте. Все это есть *отступление от праведности* и потому — компромисс. Но этот компромисс не компрометирует его; ибо это отступление — *бескорыстное, вынужденное, жизненно верное*; и, что особенно важно, — оно не отрывает человека от Бога и не заглушает в нем голос совести. *Молитва* связует его с Богом; *покаяние* очистит его от злых страстей; *совесть* восстановит в нем волю к нравственному совершенству; а сознание того, что компромисс его не был корыстным, что он был принят не ради личной карьеры, а в *порядке служения*, — позволит ему не стыдиться перед своей совестью и перед людьми: уважение к себе не будет подорвано и чувство собственного духовного достоинства останется непоколебленным.

Все это можно выразить так: благая цель *не оправдывает и не освящает* дурных средств, никогда и ни в чем. Человек нередко оказывается в таком жизненном положении, при котором самая искренняя и глубокая воля к *верной цели* и к *чистым средствам* встречается с *практической безвыходностью*: нет таких средств, которые были бы столь же верны и чисты, как сама цель. Тогда ему остается только два выхода: или предать свою цель, или прибегнуть к нравственно-неправедному, «нечистому» средству. Для благородного и нравственно-чуткого человека такое положение является всегда *трагическим*, и душа его может оказаться в состоянии мучительного колебания и нерешительности.

Во всех таких случаях исход надо находить, руководясь следующими основаниями.

Во-первых, надо окончательно удостовериться в том, что других, нравственно-чистых средств действительно нет. Иногда человеку дается для этого кратчайший миг: напр., в случае насилия над слабым или в случае необходимости тотчас же пресечь злую интригу.

Во-вторых, надо отдать себе ясный отчет в явной недоброкачественности этого средства и попытаться облагородить его или свести его дурную природу к возможному минимуму: ибо прямой и храбрый путь всегда лучше кривого и трусливого, и всюду, где жестокость не необходима, она всегда должна быть избегнута.

В-третьих, надо проверить в душе своей, не своекорыстие ли ведет ее к этому дурному средству; и не тайная ли порочная склонность ко злу тянет душу на этот путь;

и не потому ли это средство кажется *необходимым и единственным*, что оно есть субъективно желанное...

В-четвертых, надо понять, что *благая верность цели никак не может передаться дурному средству*. Нравственное качество средства измеряется не *целью*, а особым *суждением совести*; и если совесть свидетельствует, что средство несправедливо, нечисто, несовершенно, то жизненная целесообразность не может изменить в этом *ничего*. Может оказаться, что дурное средство вынужденно, и тогда к нему надо обратиться; но никогда и никак не может оказаться, что вынужденное дурное средство стало благим или праведным. Жизненная целесообразность средства и его нравственное качество — суть два совершенно различные свойства; их нельзя ни смешивать, ни подменять.

Нравственное дурное средство останется при всех условиях дурным. Следовательно, поступок окажется *жизненно-необходимым и верным, но несправедливым; и нравственный компромисс* будет налицо. Есть немало прекрасных, мужественных и сильных людей, которые совершают такие поступки.

Но именно потому, в-пятых, нельзя закрывать себе глаза на природу таких средств и поступков. И после каждого жизненно-необходимого и «предметно обоснованного» компромисса всякому человеку, а особенно христианину — необходимо подумать об очищении своей души.

Компромиссами живут все люди. Но я разумею здесь *только предметно обоснованные компромиссы*. Очищение души необходимо и после них, иначе душа снизится и очерствеет от того потока лжи, обмана и жестокости, через который ведет нас жизнь.

Итак, целесообразность или жизненная необходимость какого-нибудь средства не делают его ни добрым, ни «оправданным», ни «освященным». Христианину предоставлена *внутренняя и внешняя свобода* воздерживаться от жизненных компромиссов или решаться на них. Но эта свобода всегда предполагает ответственность человека за свое решение и за свой поступок.

23. О свободе

Если кто-нибудь требует свободы или призывает к ней, то он обязан точно сказать, *кто* должен быть свободен и *от чего* он должен быть свободен. Ибо свобода *всех от всего* привела бы только к общему разнузданию, разврату, поножовщине, хаосу и гибели.

Мы признаем и чтим свободу потому, что молиться, любить, творить, иметь убеждение, исследовать, совершать совестные поступки и строить семью — человек может только *сам, изнутри, по собственной инициативе, добровольно*. Все попытки предписывать, заставлять или принуждать в этих областях вредны и бессмысленны. Вот почему человеку необходима свобода сердца, веры, совести и воззрений. Человек не механизм, а организм. Жизнь — как сад: она растет сама. А власть — как садовник: она может и должна только направлять этот свободный рост.

Это не значит, что все, что люди делают в этих областях жизни, одинаково хорошо, и что им надо предоставить безграничную свободу. Преступное должно быть оговорено, запрещено и подвергнуто пресечению и наказанию. Злое и растленное должно быть решительно и сурово остановлено в своих *внешних* проявлениях; но *внутренне* — оно должно воспитываться и преображаться в свободном общении.

Однако, получая эту внутреннюю *свободу духа* (свободу исповедания, любви, творчества, исследования и воззрений), — человек призван не к тому, чтобы

злоупотреблять ею, но чтобы *верно, предметно наполнить ее и осуществить ее в жизни*. Свобода веры не есть свобода изуверства. Свобода любви не есть право на разврат или извращение. Свобода творчества не есть свобода лени или безответственного произвола. Свобода исследования не есть свобода шарлатанства, лжи и фальсификации. Свобода воззрений не есть право на притворство, на продажность, соблазн или совращение глупых, необразованных или малолетних. Кто *так* понимает свободу духа, тот заслуживает того, чтобы у него ее отняли.

Свобода духа дается человеку именно для того и только для того, чтобы он *сам* освободил себя *внутренно* от звериного инстинкта, от порочных страстей, от дурного произвола и всяческих непредметных пристрастий. Свобода совести не есть свобода от совести. Свобода убеждений не есть беспринципность. Свобода питания не есть оправдание обжорства или пьянства.

Итак, свобода духа дается человеку только для того, чтобы он освободил свою *волю* от злых влечений и созрел к *христианской свободе*: к свободе самостоятельного, ответственного, совестного служения делу Божьему на земле (к этой свободе люди, конечно, могут приближаться и в нехристианских исповеданиях).

И вот *политическую свободу* (свободу публичного слова, печати, собраний и участие в выборах) можно и должно предоставлять только тому, кто словом и делом показал, что он воспитывает себя к такой свободе воли и преуспевает в этом. Именно поэтому политическая свобода не дается сумасшедшим, преступникам и малолетним. Именно поэтому ее нельзя давать пьяницам, морфинистам, людям зазорных профессий, дезертирам, взяточникам и всем осужденным по суду чести. И именно поэтому ее нельзя предоставлять людям, проповедующим *безбожие*, исповедующим *религию зла*, приверженным к учениям *ненависти, мести и зависти*, отвергающим *право и государство*, подрывающим основы родины, чести, совести и дисциплины.

Современная политика должна найти новые, жизненные мерилы для политической зрелости гражданина и устранить незрелых или политически порочных от участия в политической жизни.

Только такое оздоровление духа и политики откроет людям верное разрешение вопроса о равенстве и справедливости.

24. О равенстве и справедливости

Люди от природы не равны: ни размером тела, ни здоровьем, ни полом, ни возрастом, ни красотой, ни силою, ни выносливостью, ни телесными потребностями. Они не равны и душою: ни восприимчивостью, ни отзывчивостью, ни памятью, ни умом, ни образованием, ни чувством, ни волею, ни творческим воображением, ни душевным здоровьем. Люди не равны и духом: они по-разному веруют и молятся; у них разные художественные вкусы. Мы не знаем двух одинаковых поступков, подвигов или преступлений. Мы знаем, что все люди единственны в своем роде и неповторяемы: мы знаем, сколь незаменимы для нас мать, жена, сын и друг; наше сердце всегда содрогается от разлуки, от невозвратности счастья и любви, от непоправимости всякой обиды, от смертности гениального человека...

Итак, люди *не равны*. Как же справедливость может требовать «равенства», т. е. *одинакового* обхождения с *неодинаковыми* людьми? Она этого и не требует. Напротив: справедлив человек тогда, когда ему удастся обходиться *неодинаково* с *неодинаковыми* людьми, и притом — *соответственно их неодинаковости*. Справедливость требует

индивидуализированного подхода к человеку, личного учета, приспособления; справедливость не отвлеченна и не механична — она *художественна и любовна*, она старается верно (предметно) рассмотреть каждого человека и указать ему в жизни верную (предметную) сферу свободы и права.

Итак: справедливость требует не «равенства», а *предметного неравенства*. Так, кому много дано, с того надо больше взыскивать; и это справедливо. Кому меньше дано, с того надо меньше взыскивать; и это тоже справедливо. Есть *справедливые привилегии*, напр., женщины не служат в солдатах; беременные женщины освобождаются от труда; налог должен быть подоходным и прогрессивным. Но есть и *несправедливые привилегии*: напр., если только богатые имеют право получать образование; или если богатому обеспечена безнаказанность по суду; если только членам коммунистической партии предоставляются все блага жизни; если одни фабричные рабочие имеют доступ к высшим должностям и т. д.

Поэтому *никогда не следует обещать народу равенство*. Нелепо и невозможно уравнивать людей в их естественных свойствах. Несправедливо и разрушительно уравнивать неодинаковых людей в их правах.

Чтобы люди переносили *естественное* неравенство, надо их воспитывать к *свободе от зависти*. Зависть есть один из главных источников злобы, вражды, мстительности, беспорядка и революции. Зависть разрушительна; она портит, вредит, отнимает, убивает. Она говорит: «я, а не ты». Напротив, жизненно и созидательно соревнование: «и ты, и я; посмотрим, кто лучше, а кто победит, тому не завидуй». Никогда не надо смотреть на то, чего у меня *нет*, а у других есть; надо смотреть на тех, кто беднее: ибо у них многого нет, что у меня имеется. Это есть первое средство против зависти.

Чтобы люди переносили *правовое* неравенство, надо им объяснять, что *несправедливый* порядок лучше, чем *несправедливость всеобщего хаоса и резни*. Полной справедливости никогда не было на земле; при всяком порядке будет оставаться несправедливость. Но *пока есть порядок, с несправедливостью можно бороться*. А в революции и в гражданской войне царит голый произвол и с несправедливостью бороться нельзя: бесовские грабят беззащитных и человек человеку волк.

Людей много. Каждый добивается своего. Как воздать каждому надлежащее? Как водворить всеобщую справедливость? Как найти эту желанную меру в жизни? Ведь люди обычно называют «справедливым» то, что им самим выгодно. Поэтому необходимо воспитывать в людях *чувство законности и чувство справедливости*. А для того, чтобы люди до поры до времени терпели неизбежные несправедливости жизни, нужна всеобщая твердая *уверенность*, что «мы все искренно желаем и честно ищем справедливости для каждого из нас».

Революция звала людей к равенству и создала великий обман: новое неравенство и всеобщее угнетение. Мы должны звать людей к иному. Мы говорим:

надо примириться с естественным неравенством людей;
надо свободно и добровольно признавать чужой ранг;
надо совестно, братски искать живой справедливости;
надо открыть дорогу таланту, личной инициативе и нравственно сильным, ответственным, качественным людям, преобладание которых было бы для всех убедительным и водительство коих говорило бы само за себя.

Только на этом пути нам удастся уgomонить революционные страсти и воссоздать Россию.

25. О частной собственности

Может быть, ни в чем люди не воспринимают так болезненно отсутствие свободы и отсутствие равенства, как именно в сфере имущества.

Свободу творчества человек должен иметь и в области хозяйства. Человек хозяйствует из инстинкта самосохранения. А этот инстинкт есть начало *личное* и *самодетельное*. Поэтому жизненны только те способы хозяйства, которые пробуждают и напрягают этот творческий инстинкт, а не пресекают и не подавляют его.

Именно частная собственность пробуждает и напрягает хозяйственный инстинкт и хозяйственное творчество человека; она дает человеку уверенность в том, что продукт его труда не будет у него отнят; она дает ему спокойствие и вызывает в нем волю к усердному и постоянному труду; человек начинает охотно «инвестировать» (облекать) свой труд в вещи, как бы доверять его им; его чувство прилепляется к «своим» вещам (любовь к своей земле, к мастерской, к библиотеке); его воля оживает а дышит как бы полной грудью; его воображение творит, создает, предвидит, его мысль ищет знаний и верно разрешает жизненные задачи; его тело работает до пота и крови. Но именно тогда-то и обнаруживается, что его *личный* инстинкт служит не только самому ему, но и семье, и роду, и обществу; и что от его *самодетельности*, от его частной инициативы приходят в движение все силы и возможности народной жизни.

Отменяя частную собственность, социализм и коммунизм пресекают действие этого инстинкта; они подавляют его и делают его бесплодным. Поэтому они не жизненны и обречены на хозяйственный провал.

Христианин должен глубоко и верно продумать все это, ставя перед собой вопрос о хозяйстве. Человек создан личным, индивидуальным и самодетельным; таков он от *Бога* и от *природы*. Изменить в этом что-нибудь — пересоздать человека — нам не дано. Но нам задано *воспитать* душу человека так, чтобы *опасные* стороны частнособственнического строя (а следовательно, и капитализма) не влекли за собою противохристианских последствий.

Это значит взрастить в человеке *христиански-социальное понимание частной собственности*. «Спасителен» не социализм, а творческое сочетание *свободы, всенародного братства и справедливости*. Здесь не может быть единого практического рецепта для всех стран и народов. Проблема должна быть разрешена для каждого народа в отдельности в порядке *национально-христианского* воспитания и верных реформ.

В душах надо укрепить: творческую заботу о том, чтобы не было неимущих и безработных; свободу от зависти и естественное братское доброжелательство; уверенность, что богатство не определяет человеческого достоинства; чувство общественной и нравственной ответственности за свою собственность; живое понимание, что всякий честный труд почетен; волю к общественной и национальной солидарности. В жизни надо утвердить три основы: *изобилие, качество продукта и щедрость*.

Только такое воспитание поможет людям найти новые формы частной собственности и установить законы, при помощи которых христианский дух преодолет дурные формы и дурные последствия имущественного *неравенства*. Итак, частная собственность есть как бы естественное, необходимое *земное жилище* человеческого инстинкта и человеческого духа. Нельзя отнимать его. Но надо научить человека владеть им творчески и братски.

26. О национальной территории

Что для человека — частная собственность, то для народа и государства — его территория: *земное жилище национального инстинкта и национального духа*. Народ, творящий свое национальное дело, дело своей духовной культуры, нуждается в этом земном жилище, бережет его и обороняет. Это естественно и неизбежно. Народ призван владеть своей территорией в культурном и хозяйственном отношении, извлекая богатства из ее природы — и для себя, и для других народов. И если он не выполняет этого призвания, то он рано или поздно окажется неспособным и *оборонять ее*. *Культура духа, культура природы и оборона страны* связаны между собою глубокою связью, и эта связь бывает для народов судьбоносною.

Народ живет *не для земли и не ради природы*. Но он живет *на земле и от земли*. Ни одна великая культура не была создана кочевым народом или народом находящимся в рассеянии. Настоящая культура начинается с оседлой и совместной жизни. Территорию мало завоевать; ее надо освоить и культивировать. Право на нее приобретается не только воинственно пролитую кровью, но и ее хозяйственным и техническим приспособлением для жизни, а также ее искусною и упорною обороною. Тогда территория перестает быть пространством, условно ограниченным таможами, но становится *творческим созданием народа*. Добытая кровью и трудом, волею и духом, она становится *национальным наследием, священным достоянием нации*¹.

Народ теряет территорию тогда, когда оставляет ее лежать «в пусте». Народ теряет территорию, когда в нем угасает воля к обладанию ею. Народ теряет территорию, когда он оказывается духовно, хозяйственно и стратегически бессильным для ее удержания.

Народ имеет право добровольно отказаться от ненужных ему кусков территории (так Россия уступила Аляску Северо-Американским Соединенным Штатам в 1867 г. за 7 200 000 долл.). Но народ имеет право *не отказаться* и от той территории, которая отнята у него силою оружия (так Италия не отказалась от Триеста и Триента и получила их вновь; так восстановилась трижды «разделенная» Польша и др.). Завоеватель должен всегда помнить, что история еще не сказала своего последнего слова; что занятие войсками и провозглашение «аннексий» часто бывает только *началом борьбы*; что насильственное присоединение территорий и народов может стать для самого завоевателя внутренним бедствием, историческим проклятием, началом конца (напр., присоединение Австро-Венгрии в 1909 г. Боснии и Герцеговины). «Завоевать» не значит освоить (достаточно вспомнить всех великих завоевателей начиная с Тутмоса I, Александра Великого, Аттилы и Чингисхана и кончая Наполеоном); «присоединить» не значит удержать. Завоеванный народ может как бы пробудиться от сна именно вследствие временного завоевания (Пруссия при Наполеоне).

Каждый русский патриот должен знать и видеть свою национальную территорию и ее природу; он должен крепко продумать ее состав с исторической, политической и хозяйственной точки зрения. Он должен знать, как она слагалась в истории; какою ценою присоединялись к ней отдельные части; зачем каждая часть нужна России и что может означать для России ее утрата.

¹ Это не значит, что территория принадлежит народу на праве частной собственности; она принадлежит ему на праве публичного властвования. Но культурная связь народа с территорией определяется именно через идею земного жилища и возделываемого поля.

27. Национальная армия

Армия представляет собою *единство* народа; его мужественное начало; его *волю*; его *силу*; его *рыцарственную честь*. Так она должна восприниматься и самим народом.

В будущей России отношение народа к армии обновится и углубится. Народ не должен и не смеет противопоставлять себя — своей армии, как это было перед революцией: «мы рабочие, крестьяне, штатские, интеллигенция», а «они — военщина, орудие реакции, усмирители, опричники, янычары»... Это болезненное и позорное отношение исчезнет навсегда. На самом деле все обстоит иначе. Мы — это русский народ, со всеми его братскими меньшинствами; и в нем — наше почетное и ответственное, вооруженное и знаменами славы осененное волевое средоточие, *наша армия и наш флот*: наша сила, наша надежда, основа нашего национального существования. Кость от нашей кости, кровь от нашей крови, дух от нашего духа. Мы сами ее составляем. Ее победа — наша победа. Ее разложение — наша гибель. Она — воплощение нашей национальной рыцарственности; ограда нашей национальной целостности и независимости.

Принадлежать к ней значит не «отбывать воинскую повинность», а осуществлять свое *почетное право и приобщаться национальной славе*. Воинское знамя есть священная хоруговь всего народа. Военный инвалид есть почетное лицо в государстве.

Русская армия всегда была школой русской патриотической верности, чести, дисциплины и стойкости. Самое воинское звание и дело заставляет человека выпрямить хребет своей души, собрать свою распушенную особу, овладеть собою, победить свой «страх» и сосредоточить свою выносливость, мужественность и храбрость. Армия невозможна без *самообладания и усердия*. Армия требует воинского качества. Она гасит в душах распушенность, лень и склонность к раздору. Она учит повиновению и ответственности. Она приковывает волю человека к воинской чести, а чувство единства и солидарности — к своей воинской части. Армия невозможна без характера, патриотизма и жертвенности. Ее лозунг: «Жить для России и умереть за Россию».

Русскому народу предстоит изведать опять это радостное, искреннее, волевое единение со своей армией. Это даст армии настоящий расцвет, а русскому народу — настоящий закал характера. Тогда будут осмыслены все великие заслуги армии в создании России, от похода князя Игоря на половцев до последней европейской войны, от Александра Невского до Салтыкова и от Петра Великого и Суворова до наших дней. Тогда будут окончательно сформулированы и признаны основы русской национальной стратегии и тактики, над которыми так ревностно работал всю жизнь генерал А. К. Баиов¹. И тогда каждая из народностей России по-настоящему вложит в оборону своей единой родины — свою самобытную доблесть и военное искусство.

Дух народа станет духом армии, и обратно. А сама армия станет истинной школой патриотического служения, верного заветам ее великих вождей — князей, императоров и полководцев.

¹ См. поучительную книгу генерала Б. А. Штейфона «Национальная военная доктрина».

28. О монархии и республике

Какая государственная форма установится в России после революции, — мы не знаем. Мы не в состоянии предусмотреть и предопределить надвигающихся событий. Мы должны помнить, что мы всего-навсего незначительная часть русского народа и что за нами нет силы, которую мы могли бы противопоставить внутри-русской стихии и международным силам. Но мы знаем, что *мы примем Россию в момент падения большевиков такую, какова она будет к тому времени*: с переутомленной, измученной, ожесточившейся народной душой, с дезорганизацией повсюду, в состоянии всенародного оскудения и растерянности. Какая государственная форма будет тогда возможною, необходимою, желательною, спасительною? Ответ ясен и прост: *внепартийная, сверхклассовая, национальная, религиозно-вдохновенная и жизненно-творчески-гибкая диктатура*. Только она сумеет властною, авторитетною рукою остановить всякую новую гражданскую войну, подавить партийную резню и националистические погромы, сократить период хаоса, побудить население немедленно взяться за мирный труд, приступить сразу — к очищению страны от коммунистической нечисти и к водворению справедливых, устойчивых форм правопорядка. Без этого стране предстоит новая эпоха длительного распада и хаоса, с вечными восстаниями авантюристов, субсидируемых из-за границы и с новыми попытками гибельных расчленений извне и изнутри. Никакая республиканская форма, — центробежная по своей природе, — не справится с этой задачей. Никакая монархическая форма не сможет быть установлена на основе неосевшего хаоса, в пыли и грязи революционно-контрреволюционного кипения. Спасти Россию сможет только *полновластный глава государства*, вокруг которого мы сможем творчески объединиться, *забыв все и помня одну Россию, не предрешая* той окончательной государственной формы, в которой Россия сможет в дальнейшем жить и крепнуть.

Это есть великая иллюзия, что «легче всего» возвести на престол законного Государя. Ибо законного Государя надо заслужить сердцем, волею и делами. Мы не смеем забывать исторических уроков: народ, не заслуживший законного Государя, *не сумеет иметь его*, не сумеет служить ему верою и правдою и предаст его в критическую минуту. Монархия не самый легкий и общедоступный вид государственности, а самый трудный, ибо душевно самый глубокий строй, духовно требующий от народа *монархического правосознания*. Республика есть правовой механизм, а монархия есть правовой организм. И не знаем мы еще, не видим мы еще, будет ли русский народ после революции готов опять сложиться в этот организм. Отдавать же законного Государя на растерзание антимонархически настроенной черни было бы сущим злодеянием перед Россией.

Посему: да будет *национальная диктатура, подготовляющая всенародное религиозно-национальное отрезвление!*

При таком положении дел нам, в зарубежии, надлежит блюсти скромность. А политически-партийное доктринерство из пространственного и временного далека — является непозволительным. Мы должны быть готовы к возвращению в Россию и к служению ей на месте при всяком *небольшевицком, некоммунистическом строе*. Мы будем служить ей, ее Делу, ее возрождению — предметно, честно и грозно. И *тогда, там, на месте*, учитывая реальную обстановку общенационального русского бытия, мы вместе со всей остальной Россией сумеем найти и создать, именно *творчески создать* новую государственную форму для нашей родины.

Именно в этом смысле и только в этом смысле мы считаем правильным *не предрешать* будущую государственную форму в России. Нам «приемлема» всякая *небольшевицки-коммунистическая Россия*; мы примем Россию во всякой политической форме — ... *только бы она нас опять приняла в свое вековое лоно*. И так обстоит потому, что мы *от России никогда и не отрывались*, что и в революционной горячке, и под коммунистическим игом, и в мученичестве тюрем, колхозов и концентрационных лагерей

она всегда оставалась нашим духовным, национальным и территориальным лоном, нашей родиной, нашей святыней; и клятвы верности ей, произнесенные нами, будут жить в нас до конца.

Но это не значит, что мы согласны быть людьми без политической идеи, без государственного идеала, без национальной памяти и благодарности, без волевого хребта; людьми, не постигшими исторических путей и судеб своей родины; отвлеченными мечтателями, воображающими, что есть единая государственная форма, наилучшая для всех стран и народов или что любой народный организм может по человеческому произволу жить и развиваться в любой государственной форме...¹

В вопросе о монархии и республике ныне необходимо идейное очищение душ и глубокий идейно-государственный пересмотр. Здесь нельзя восклицать, шуметь, агитировать, интриговать и грозить. Здесь все поколеблено событиями последних двадцати пяти лет. Здесь ничего «само собой» не «разумеется». Здесь необходимо идейное творчество, восстановление старых забытых истин и новое освещение, и новое углубление их из глубины нового опыта и вынесенных страданий.

Те, кто хотят быть ныне «русскими республиканцами»², — должны прежде всего показать совместимость русского исторического бремени и русской исторической судьбы с республиканской формой; они должны вскрыть республиканские способности и склонности русского правосознания, если таковые имеются; они должны показать, что республика всегда была формой русского национального расцвета или, если этого доселе не было, — что так «наверное будет в дальнейшем» и почему именно... Если же они не сумеют доказать этого, то им придется остаться при их отвлеченном «идеале» и признать его *неприменимость в России*. Ибо нелепа и скандальна такая постановка вопроса: «Россия должна стать республикой, хотя бы ценою своей собственной гибели».

Но и этого мало, они должны открыто и принципиально *сосчитаться с фактом большевичьей республики*, ибо этот факт *вскрыл в республиканстве ряд больших и отвратительных уклонов*. Им придется доказать, что начала классовой борьбы, личного карьеризма, партийной интриги, гражданской войны, одним словом — всяческой социальной и политической *центробежности* — не составляют самой сути республиканства. Они должны открыто выговорить, что идея республики переживает в России и повсюду острый кризис, ибо *именно республика оказалась подходящей государственной формой для большевицкого содержания*. Пока русские республиканцы этого не сделали, пока они пытаются игнорировать постигшую их беду и притворяются, будто ничего особенного не случилось, — они продолжают оперировать устаревшей и мертвой схемой; и к их республиканству нельзя относиться серьезно.

А те, кто хотят быть ныне *русскими монархистами*, — должны утвердить свой монархизм в событиях и судьбах русского прошлого и вслед за тем показать, что русская национальная и историческая проблематика по-прежнему требует монархической формы, что Россия может стать республикой только ценою своей собственной гибели. Мало быть «монархистом» в смысле отвлеченного идеала; Россия есть великая историческая реальность, а мы обязаны стать *политическими реалистами*. И иностранцы должны понимать и чтить этот реализм так, как мы умеем чтить реализм швейцарского или североамериканского республиканства.

Но и этого недостаточно. Русские монархисты обязаны открыто сосчитаться с фактом крушения монархии в России и доказать, что *монархическая Россия рухнула не потому, что она была монархическая*. Они должны мужественно осмыслить и исследовать это крушение и постигнуть его духовные, социально-экономические и национально-имперские причины — и тогда заново обосновать и оправдать идею монархии. Они должны показать, что все те обвинения, которые выдвигаются республиканцами против монархии, — «вредная централизация», «кастовый режим», «бюрократическое средостение», «бесправный произвол», «реакционный обскурантизм», «временщичество» и т. д., словом, все начала *вредной и застойной*

центростремительности, — совсем не составляют самой сути монархизма. Они должны доказать, что монархия сокрушилась в России не потому, что монархическая стихия была слишком сильна в стране, а потому, что она ослабла, расшаталась и выветрилась в душах: что за последние двадцать лет перед революцией государственный строй в России был «монархией» больше по закону и по имени, чем по существу, ибо радикально настроенная интеллигенция проводила *противо-монархическую* тактику изоляции, оклеветания и обессиления Царя; что монархия в России *заживо захлебнулась в чистореспубликанской стихии недоверия к главе государства, ослабления его власти, интеллигентского честолубия и партийной борьбы за власть*. Пока русские монархисты этого не сделали, пока они не очистили и не укрепили свое собственное монархическое правосознание и не доказали всем, что монархическая идея *творчески жива, сильна и национальна* (а не партийна!), они рискуют тем, что их «политику» будут принимать за политиканство и что они сами извратят идею монархии до полной неузнаваемости³...

Ныне весь мир стоит на великом распутье: и духовно, и политически, и социально. И кто хочет жить старыми, отжившими трафаретами, тот не имеет ничего сказать миру.

Новое же добывается лишь через духовный опыт и творческое созерцание.

¹ Как образец отвлеченного доктринерства в политике укажу на брошюру проф. Ф. Ф. Кокошкина «Республика», Петроград. 1917.

² Я подчеркиваю эту формулу: она означает «республиканцами из любви к национальной России». Ибо «республиканцем для России» может быть любой доктринер-иностранец, чуждый России и нисколько не принимающий ее благо к сердцу.

³ Срв., напр., кощунственно бредовую и бесконечно пошлую идею «Царь и Советы».

29. Россия спасется творчеством

Возродить Россию может только новая идея: ее могут воссоздать только обновленные души.

Нет больше *былой* России. Нет ее и не будет. Будет *новая* Россия. По-прежнему Россия, но не прежняя. Ее дух жив и будет жить; мало того, — в невиданном крушении и в исторически небывалых страданиях дух русского народа очистится и углубится, закалится и расцветет. Но ее общественный и государственный уклад будет иной; и хозяйственный строй ее будет новый. Самый душевный материал, из которого будет строиться новая Россия, окажется не тем, что прежде. Все проблемы будут поставлены заново; все борозды и межи будут проведены иначе. Мы должны понимать это и предвидеть; мы обязаны готовиться к этому. Все, что было в нашем прошлом священного, мы должны понимать и хранить. Мы не смеем забыть ни одного из тех уроков, «нежданных и кровавых», которые послала нам история. Мы не отречемся ни от одной национальной святыни. И тем не менее мы должны готовить не *реставрацию*, а *новую* Россию.

Мы не должны пугаться этого: нас учит этому все наше историческое прошлое. Всю свою историю Россия провела в том, что *строилась на пепелище*. И то пепелище, которое останется нам в наследство от большевиков, будет не страшнее тех пепелищ, которые оставались нам от татар или от Смуты. Страшнее, опаснее будет то *духовное пепелище*, которое мы унаследуем после их крушения.

За прежними культурными, политическими и социальными лозунгами, увлекавшими русскую интеллигенцию (от «кантианства» до «толстовства», от «демократии» до «анархизма», от «народнической общины» до «марксизма») осталась некая духовная пустота; вся эта идеология повисла над бездною и все эти идеи стали беспочвенны и мертвы. Обновить их, наполнить их новым, жидущим содержанием сможет только тот, что, отрешившись от всех доктрин и предрассудков, *уйдет опытом и созерцанием в глубину, к последним истокам человеческого духа, к последним корням человеческого существа и человеческой веры.*

Мы должны понять и усвоить эту суровую истину: *безыдейная интеллигенция не нужна своему народу.* Она не исполняет своего назначения; она не может никого вести; она есть мнимая реальность, историческая накипь, политический мираж.

Нет «всеисцеляющих средств» и рецептов; нет спасительных трафаретов. И заимствовать их нам не у кого. Никто не разведет руками нашу беду, никто не сумеет и ума приложить к ней. А если бы нашлись такие из иностранцев, то только с тем, чтобы использовать нашу беду и попытаться построить на ней свое собственное благополучие.

Россия спасется творчеством, — обновленной религиозной верой, новым пониманием человека, новым политическим строительством, новыми социальными идеями.

Так, западно-европейский разрыв между *научным знанием* и *верою* может привести культуру только в тупик и в разложение. Россия будет добывать себе *новое знание и новую веру*¹.

Безбожная *мораль* черствой порядочности — не удовлетворит русскую совесть.

Русское *искусство* вернется к своим собственным созерцаниям и глубинам, и западный модернизм перестанет быть для него соблазном².

Европейский разрыв между формальным *правом* и живым правосознанием — не поведет за собою Россию. Возникнет новая, *русская культура права.*

Россия создаст *новую политическую форму*, подходящую только для нее, но зато действительно соответствующую всем ее нуждам.

Возникнет новая русская, национальная культура, которая пойдет от *прежних* национальных корней, но по-новому и к новому расцвету.

То, что нам нужно, есть *новая постановка и новое разрешение* все тех же вечных проблем, но из нового, национально-трагического опыта истории. Мы повинны России новыми идеями и новыми ведущими словами; не отрицательными только, но и положительными; не отвлеченными выдумками, не рассудочными построениями, не демагогическими выкриками. Здесь спасительны только: *чувство ответственности, почвенность духовного опыта, серьезность ищущей мысли.* Ибо те новые идеи и новые слова, которые необходимы новой России, будут вероятно лишь вновь открытою, но зато по-новому постигнутою древнею мудростью.

Эта древняя и священная глубина духовного опыта не должна отпугивать нас. Наоборот. Увидеть сквозь завесу новых событий старую истину и ее верность, увидеть ее по-своему и по-новому, извлечь из нее умудрение для будущей России — будет для нас не разочарованием, а радостью. Ибо в конечном счете новое ценно не новизною своею, а *целительной верностью.*

Русский народ вернется к Богу и ко Христу, чтобы по-новому заткать и создать новую христианскую культуру.

¹ При этом понимается не новая религия, а новый акт веры в пределах православного христианства. См. об этом мою статью «Идея обновленного разума» в № 5 «Русского Колокола».

² См. об этом мою книгу «Основы художества. О совершенном в искусстве».

30. Заключение

Восстановить Россию можно только верным, предметным служением ей, которое должно быть почувствовано и осмыслено, как служение Делу Божию на земле. Нас должен вести религиозно-осмысленный патриотизм и религиозно-вдохновенный национализм. Тогда наше служение найдет верные пути и примет верные формы.

Вот основы такого служения.

1. Для всех политических событий есть единое и единственное мерило: русский национальный интерес — интерес Богу служащей России.
 2. Россия ни на кого не похожа. Она — единственна в своем роде во всей истории человечества. Она идет своими путями. Ей необходимы свои, особые формы жизни.
 3. Чтобы найти эти новые русские формы бытия, надо созерцать Россию, как она есть, — *ее дары, ее опасности, ее нужды, ее силы и слабости*; и *из* нее самой, *для* нее самой создавать верный уклад, и строй, и порядок, и власть, а не навязывать ей иностранные, инославные, иноплеменные трафареты.
 4. Россия — наше отечество, наша родина, русское государство — выше классов, сословий, партий, выше всякого лица и всякого рода, выше династии. *Мы* призваны *ей* служить, а *не она нам*. Она не есть «механическая сумма» лиц, партий и классов. Она есть живое, органическое, таинственное и священное единство и зовет нас всех к совестному единению перед лицом Божиим.
 5. Русский — это тот, кто принимает Россию огнем своей любви и служит ей волею и делами. И вот, русский русскому брат в предметном служении Родине, как общему и совместному Делу Божьему на земле. Мы свободны объединяться с нашими братьями по единочувствию и единомыслию. Но всякая непредметная вражда, борьба и ненависть между русскими — запретна и позорна.
 6. У русских должна быть ныне одна главная забота: во всем и всегда искать ответственного служения, стоять «безо всякие шатости» и дело России «нести честно и грозно». И, так служа, искать себе таких же людей, верных, крепких и грозных. С ними договариваться до полного доверия. И беспощадно жечь в себе всякие непредметные и противопредметные побуждения.
- Таковы основы борьбы за национальную Россию.